

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 31-й
№ 53 (4019)

Вторник, 5 мая 1959 г.

ЦЕНА 40 КОП.

Сегодня — День печати. Когда 47 лет назад — 5 мая 1912 года — в Петербурге вышел первый номер массовой большевистской газеты «Правда», трудно было представить себе, какого размаха достигнет печать в нашей стране после победы пролетарской революции. В прошлом году, например, разовый тираж наших газет был в 17 раз больше, чем тираж газет в царской России. В прошлом году у нас издавалось 799 различных журналов.

В среднем каждую минуту в стране выпускается более двух тысяч экземпляров книг. Наша печать — верный и надежный помощник партии в борьбе за коммунизм. Воспитанная на славных ленинских традициях, советская пресса выступает передовым борцом за осуществление величайших задач, поставленных XXI съездом КПСС. Активно помогать ей в этом благородном деле призваны писатели.

В канун Дня печати редакция обращается к ряду литераторов с просьбой поделиться своими мыслями о месте и роли писателя в газете и журнале, о значении публицистики в пропаганде семилетнего плана.

НА ПЕРЕДНИЙ КРАЙ СЕМИЛЕТКИ!

раста за честь почитать впервые опубликованное новое произведение в газете. Не потому ли качество газетных стихов, рассказов, очерков, фельетонов в прежние годы зачастую, как мне кажется, было выше, чем сейчас?

Пусть на меня не обижаются мои младшие по возрасту товарищи писатели, но у них наблюдается большая тяга к издательствам, чем к редакциям газет, больший интерес к издательским договорам, чем к командировке от газеты.

Газета вырывает у писателя умение разговаривать с людьми просто, ясно, доходчиво и лаконично. А такое умение писателю необходимо, как воздух. ТАШКЕНТ

В ногу с временем

Иван МЕЛЕЖ

В НАШИ дни значение очерка, публицистической статьи, позволяющих идти в ногу с временем, огромно. Сама жизнь требует всемерного развития этих бравых, оперативных жанров, которые завоевывают в литературе все большее признание.

Мне кажется, что именно этим объясняется и рост рядов наших белорусских очеркистов и публицистов, и некоторые их несомненные успехи. Я говорю об очерках Янки Брыля, Антона Белевича, Тараса Хадкевича, Микола Сергеевича, бывшего журналиста, работающего ныне председателем колхоза, об очерке Игната Дубровского «Светлый путь», о публицистических выступлениях Микоса Лынькова, Ивана Шамякина и других литераторов. Только за последние месяцы Государственное издательство БССР выпустило несколько книжек очерков, среди которых заслуживают быть особо отмечены очерки Ивана Новикова «Полюское золото», Антона Белевича «Люди творят весну», Павла Ковалева «Среди людей колхозных».

К сожалению, публицистика и очерк в газете нередко еще страдают риторичностью, им порой не хватает интересных доказательств, фактов, той убедительности, которая покоряет читателей, например, в публицистических выступлениях Ильи Эренбурга или Николая Грибачева. МИНСК

Найти свою строку

Анатолий СОФРОНОВ

С ЕМИЛЕТКА — это наше спланированное будущее. И может ли каждый из нас, писателей, не ощущать всей значительности и важности коллективного рассказа о семилетке, к которому мы призваны!

Здесь первая роль принадлежит, конечно, очерку, публицистике. Темы семилетки ответственны, материал, который дает очеркисту жизнь сегодня, — необычайно богат. И это прежде всего означает, что писать надо, как никогда, хорошо, ни в какой мере не уповая на пресловутую «тема вылезает»: недостатки очерка, посвященного самому главному в нашей жизни, особенно будут очевидны и непростительны. К сожалению, еще и сейчас на страницах журналов и газет мы встречаемся с такими произведениями, в которых основные герои — цифры и имена. Цифры великодушны, имена достойны и многочисленны, но разве очерк — это доска показателей или доска почета? Пропагандировать семилетку, на мой взгляд, значит — показывать внутренний мир наших людей, для которых борьба за коммунизм — дело личное и кровное. Они вовсе не технические исполнители, они — творцы семилетнего плана. Именно это важно раскрыть.

Можно не сомневаться: вслед за таким мобильным жанром, как очерк, в ближайшее время мы можем ждать появления романов, повестей, и прежде всего — рассказов, написанных с переднего края нашей жизни. Вряд ли кто согласится отдавать темы семилетки «на откуп» лишь очеркистам. Мне как драматургу хочется, например, чтобы и пьесы наши — один из наиболее оперативных и действенных родов писательского оружия — были выдвинуты на передовые позиции.

Каждый из нас должен определить для себя свою строку — и, может быть, не одну — в грандиозном семилетнем плане, которым живет страна.

ЛЕНИНГРАД

Стихи в газете

Александр ЯШИН

ТЕМА огромна: газета и семилетка, участие писателя в пропаганде, в превращении замечательного всенародного плана. Думается, что серьезно поговорить на эту тему много внимания уделит предстоящий Третий съезд писателей СССР. Скажу сейчас только об одной, как мне кажется, существенной стороне дела — о поэзии в газете. Или пошлее: о художественной литературе в газете — о стихотворении, песне, рассказе, отрывке из романа. Они помогают газете воспитывать эстетические вкусы, развивать чувство прекрасного в своем читателе — строителе семилетки, строителе коммунизма. Как же хороши должны быть эти стихи, какие исключительные требования необходимо предъявлять к так называемой газетной поэзии! Стихотворение бывает порой, когда на одной и той же полосе читатель теоретическую статью, ратующую за высокую поэзию, а рядом — корявые бездумные вилки.

Если говорить конкретно о «Литературной газете», то прежде всего хочется пожелать, чтобы на ее страницах появлялись полные образцы газетного стиха. Лично я газете обман многими счастливыми, а то и горькими, но полезными уроками. С помощью и при поддержке газеты я написал немало стихов, в частности книгу «Советский человек». Тогдашняя редакция послужила командировкой от «Литературной газеты» на строительство Куйбышевской ГЭС. С точки зрения этого своего опыта я с любовью отношусь к газете и к «Стихам со строк семилетки», появившимся в «Правде». Очень интересное начинание!

ПЕРВОМАЙСКИЙ вечер...

— Куда ты? — спрашивает жена.
— На площади, на улицы, в парки, сады, клубы, — отвечаю я. — Разве ты забыла? Мне поручено написать репортаж «Москва в праздничный вечер».

— А мы? — вздыхает жена.
— Хочу с тобой! — решительно заявляет пятилетняя дочка.

И вот жена придерживает репортера за руку, дочка сидит у него на плечах. Ни о какой свободе передвижения, ни о каких интервью, разумеется, не может быть и речи. — Зачем ты мечаешься из стороны в сторону? — недоумевает жена. — Иди, как всегда...
— Но-о, моя старшая лошады! — добавляет дочка.
...Люди идут, вернее, плывут, неторопливо, весело, тесно и в то же время просторно. Непрерывным потоком. Во всю ширину улицы Горького. По угрюмому склону одного из семи московских холмов. Вместе с нами в направлении Красной площади плывет гуча звуков. В общий гул слышны восторженные возгласы, смех и, конечно, песни, возникающие там и тут. Вот кто-то запевает «Подмосковные вечера». К песне подтанцовывают, перебивают живыми цепочками молодежи. Незнакомые люди берутся под руки, образуют дружную колонну с песней во главе. Стелли, и растекаются в разные стороны, к другим песням.

Дочка у меня над ухом запевает свое, детское:

Сегодня праздник Мая
В краю родном.
Пусть музыка играет,
А мы строем.

Тут же на нее с других родительских плеч оглаживают два жинерадотных деятеля в матросах, но, увы, неумолчное движение людского потока отводит их. А дочка начинает пересказывать мне содержание «Теремка». Оказавшись, эту сказку на первомайском утреннике в детсаду разыграли ребята старшей группы.

Знаешь, как на самом деле зовут Волка? — спрашивает дочка. — Антошкой! Лису — Ольенькой, а Лягушку... Мама, как зовут Лягушку?

К ней обращены десятки улыбающихся лиц. Всем интересно, как зовут Лягушку.

Перед Центральным телеграфом еще вращается голубой шар Земли, людская река, озерная отблесками праздничных огней, замедляет свое движение. Здесь рядом с огромной сияющей семеркой вспыхивают слова: «Нефть», «Уголь», «Сталь», «Мясо», «Шерсть»... Возникают и гаснут цифры, но все так же уверенно перебиваются огнями громадной стрельы, круто устремленной вверх. Все так же победно светит цифра «7», которую еще древние считали счастливой. Что ж, в этом мы согласны с древними. Но у нас есть свои, куда более основательные и надежные причины считать семерку счастливым числом: это цифры семилетнего плана, это уверенность в будущем, делающая каждого из нас молодым. Потому что молод только тот, у кого есть будущее. Тот, кто строит будущее. Тот, у кого мечты о будущем рождают новые силы, новую радость, новое чувство сердечной близости с миллионными людьми.

Хочется петь. Вот как! Я и не заметил, что уже пою песню своей юности, песню экспедиции:

Я не знаю, где встретиться
Нам придется с тобой.
Глобус крутится-вертится,
Словно шар голубой,
И мелькают города
И страны,
И параллели и меридианы...

Мы на Манежной площади. И кажется, что всемирный фестиваль молодежи в Москве и не думал кончаться. На эстраде поет хор, ему подпевают тысячи, десятки тысяч людей. А вокруг танцуют, и водят хоры, и, конечно, играют в «ручечки», когда из длинного живого тоннеля весело выныривает пара за парой. А вот и тесный кружок, внутри которого стоит и помогает себе жестами, беседует иностранный турист. Для моей дочки все это — мир взрослых дядей и тетей. Думаю, что взрослые ей нравятся: это веселые люди, которые, как дети, любят петь, танцевать, играть, смеяться, — с ними легко найти общий язык. Единственный их недостаток — это странное убеждение, что детям даже в праздничный вечер надо раньше всех укладываться спать. Но как не побыть на Красной площади, где звенят куранты, где застывают часовые у Мавзолея, где огромный портрет Лени-

Труд, мир, май!
Эти три слова, много раз повторенные кулачками транспарантами, вознесенными над Москвой, как нельзя точнее отразили настроение миллионов советских людей, праздновавших Первомай.
Колонны москвичей шли с рапортами о трудовых победах, и цифры нашего семилетнего плана звучали, как поэзия труда, как призыв к коммунистическому будущему. Люди несли цветы, голуби кружились над колоннами демонстрантов, и всем было ясно, о чем свидетельствуют и цветы, и голуби в этот весенний день... мы хотим строить и жить в мире.

Май пришел на советскую землю — веселый, весенний, мирный! Здравствуй, май — месяц весны, освещенный праздником братства и солидарности трудящихся!
На снимке: демонстрация в Москве на Красной площади 1 Мая 1959 года.
Фото В. КУНОВА

Майский вечер

ЛИРИЧЕСКИЙ РЕПОРТАЖ

...Никогда еще Москва не казалась мне такой молодой. В этом одно из преимуществ моего возраста. Лет десять назад, когда мне было двадцать, праздничная толпа выглядела старше: в ней, на мой тогдашний взгляд, было слишком много солидных двадцатипятилетних и тридцатилетних немолодых людей. С годами круг молодости для меня расширился, а с ними сверстниками продолжал оставаться молодым, по-прежнему полагаю, что все на свете передо мной.

Перед Центральным телеграфом еще вращается голубой шар Земли, людская река, озерная отблесками праздничных огней, замедляет свое движение. Здесь рядом с огромной сияющей семеркой вспыхивают слова: «Нефть», «Уголь», «Сталь», «Мясо», «Шерсть»... Возникают и гаснут цифры, но все так же уверенно перебиваются огнями громадной стрельы, круто устремленной вверх. Все так же победно светит цифра «7», которую еще древние считали счастливой. Что ж, в этом мы согласны с древними. Но у нас есть свои, куда более основательные и надежные причины считать семерку счастливым числом: это цифры семилетнего плана, это уверенность в будущем, делающая каждого из нас молодым. Потому что молод только тот, у кого есть будущее. Тот, кто строит будущее. Тот, у кого мечты о будущем рождают новые силы, новую радость, новое чувство сердечной близости с миллионными людьми.

Хочется петь. Вот как! Я и не заметил, что уже пою песню своей юности, песню экспедиции:

Я не знаю, где встретиться
Нам придется с тобой.
Глобус крутится-вертится,
Словно шар голубой,
И мелькают города
И страны,
И параллели и меридианы...

Мы на Манежной площади. И кажется, что всемирный фестиваль молодежи в Москве и не думал кончаться. На эстраде поет хор, ему подпевают тысячи, десятки тысяч людей. А вокруг танцуют, и водят хоры, и, конечно, играют в «ручечки», когда из длинного живого тоннеля весело выныривает пара за парой. А вот и тесный кружок, внутри которого стоит и помогает себе жестами, беседует иностранный турист. Для моей дочки все это — мир взрослых дядей и тетей. Думаю, что взрослые ей нравятся: это веселые люди, которые, как дети, любят петь, танцевать, играть, смеяться, — с ними легко найти общий язык. Единственный их недостаток — это странное убеждение, что детям даже в праздничный вечер надо раньше всех укладываться спать. Но как не побыть на Красной площади, где звенят куранты, где застывают часовые у Мавзолея, где огромный портрет Лени-

дущем рождают новые силы, новую радость, новое чувство сердечной близости с миллионными людьми.

Хочется петь. Вот как! Я и не заметил, что уже пою песню своей юности, песню экспедиции:

Я не знаю, где встретиться
Нам придется с тобой.
Глобус крутится-вертится,
Словно шар голубой,
И мелькают города
И страны,
И параллели и меридианы...

Мы на Манежной площади. И кажется, что всемирный фестиваль молодежи в Москве и не думал кончаться. На эстраде поет хор, ему подпевают тысячи, десятки тысяч людей. А вокруг танцуют, и водят хоры, и, конечно, играют в «ручечки», когда из длинного живого тоннеля весело выныривает пара за парой. А вот и тесный кружок, внутри которого стоит и помогает себе жестами, беседует иностранный турист. Для моей дочки все это — мир взрослых дядей и тетей. Думаю, что взрослые ей нравятся: это веселые люди, которые, как дети, любят петь, танцевать, играть, смеяться, — с ними легко найти общий язык. Единственный их недостаток — это странное убеждение, что детям даже в праздничный вечер надо раньше всех укладываться спать. Но как не побыть на Красной площади, где звенят куранты, где застывают часовые у Мавзолея, где огромный портрет Лени-

дущем рождают новые силы, новую радость, новое чувство сердечной близости с миллионными людьми.

Хочется петь. Вот как! Я и не заметил, что уже пою песню своей юности, песню экспедиции:

Я не знаю, где встретиться
Нам придется с тобой.
Глобус крутится-вертится,
Словно шар голубой,
И мелькают города
И страны,
И параллели и меридианы...

на, улыбаясь, глядит на счастливые и в то же время сосредоточенные, задумчивые лица? Здесь царят волнение и тишина...

И вот обратный путь в зареве праздничных огней. Вечера, накануне праздника, вместе с огнями иллюминации дружно сияли окна домов. У домашних огней двойная природа: их зажигает каждый для себя, но светят они для всех. И я вспоминаю, как радостно светились они, выйдя из затемнения четьринадцат лет тому назад, как раз перед Первомаем. Прекрасны обыкновенные, будничные огни мирного города. Издали, с высоты, они кажутся россыпью звезд. Пожалуй, они отличаются от звезд только тем, что не мигают, — они светят, как планеты. Но в праздник господствуют именно звезды, мерцающие, переливающиеся. Сегодня в домах мало огня, — все люди, даже новоселы, вышли на улицы. По темным окнам их опустевших квартир струится разноцветное пламя ликующих улиц и площадей. И только в поздний час одно за другим зажигаются окна, они открываются, выливаясь на улицы и в переливы свет, музыку, песни, смех.

Подходим к дому. Дочка на моих плечах пригнала, на верное, дремлет. И вдруг я слышу ее уверенный голосок:

Я обязательно это нарисую? Ты нарисуйешь, девочка?

— Все!!! Только нужны большие листы бумаги. Очень большие!

Валентин БЕРЕСТОВ

Заметки о публицистике

Е. РЯБЧИКОВ

КОММУНИЗМ — это уже не только мечта. Это отдаленное будущее; он обретает реальные, ясные и четкие черты. Ныне коммунизм — живая плоть наших планов, он приближен неотомоймой работой партии, воспитавшей Человека эпохи социализма.

Партия прозорливо всматривается в будущее. В докладе товарища Никиты Сергеевича Хрущева на XXI съезде КПСС поставлена исключительной важности задача: «Чтобы прийти к коммунизму, самому справедливому и совершенному обществу, когда полностью раскроются все лучшие нравственные черты свободного человека, нам надо уже сейчас воспитывать человека будущего».

Вспомним Белинского и Герцена, Чернышевского и Добролюбова, вспомним великих основоположников научного коммунизма, вспомним лучшие умы человечества, — как жадно, как пылко мечтали они о Человеке будущего. И вот отныне это становится вполне реальной задачей, разработанной партией.

Воспитать Человека будущего! Никогда еще литература и журналистика не имели перед собой более высокой цели, никогда еще так не требовалась народу помощь от литературы и искусства, как сейчас.

Призыв партии — воспитывать Человека будущего — горячо подхвачен всем народом. Растет число бригад коммунистического труда, множатся ряды ударников коммунистического труда. Советские люди стремятся до конца выполнить семилетку и тем самым приблизить коммунизм.

Некоторое время тому назад в редакции «Литературной газеты» встретились писатели с бригадиром бригад коммунистического труда. Собрались передовики семилетки из Ленинграда и Сибири, с Урала и Украины, с Кубани и из Белоруссии.

Как работать по-коммунистически, — говорил Петр Лыгун, старший горновой доменной печи, — в этом мы разберемся. А вот, как жить по-коммунистически — этого мы еще не знаем. Вот мы, для начала, разработали заповеди бригад коммунистического труда. Конечно, когда придет коммунизм, наши заповеди покажутся нелепыми, но сейчас они приносят пользу. Нужны Павки Корчагины наших дней, которые бы учили коммунизму. Нужны книги и статьи об опыте работы и жизни по-коммунистически.

Что надо сделать, чтобы скорее жить в коммунизме, быть людьми коммунизма? — об этом, как о самой завет-

ной своей мечте, говорили, беседуя с писателями, сталевады и доменщики, строители и трактористы...

Человек будущего входит в сегодня, он — среди нас. Мне привелось быть на встрече ученых с бригадой коммунистического труда на Соколинной горе — в депо Москва-Сортировочная. Во всех отходящих это было замечательная встреча. Поначала ученые старались говорить «поподробнее», но гостям были заданы весьма серьезные теоретические вопросы по самым насущным проблемам строительства коммунизма, и когда разгорелась бурная теоретическая дискуссия, я уже и не мог понять: где же здесь рабочие и где ученые?

Перед этой беседой-дискуссией я присутствовал на встрече той же самой бригады коммунистического труда на Соколинной горе с режиссерами, артистами и редакторами «Мосфильма». Какое, казалось бы, дело рабочим депо Москва-Сортировочная до постановочных планов и графика выпуска кинокартин на «Мосфильме», до творческих радостей актеров и режиссеров? А вот, оказывается, все это было дорого рабочим. Они принимали близко к сердцу все, что происходит в искусстве, и готовы были помочь своим добрым советом деятелям искусства.

На наших глазах стираются существенные различия между умственным и физическим трудом. Происходит рождение новых — коммунистических — черт в облике современного рабочего.

С ЕМИЛЕТКА только началась, только сделала свои первые шаги по родной земле, а мы уже видим героев семилетки — героев наших дней: Николая Маюга, Александра Гиталова и Николая Мануковского, Евгения Андреева и Ивана Логина, Валентина Тюпка и Василия Кочетова... Новые герои и новая атмосфера на заводах и стройках, в колхозах и совхозах — атмосфера бурного превращения инициативы и творческой энергии, раскрытия талантов и способностей, видения коммунистической морали и этики.

На этих днях я был в цехах станкостроительных заводов имени Серго Орджоникидзе и «Косыгин пролетарий», на автомобильном имени Лихачева, на стройках жилых массивов и повсюду ощущал эту новую атмосферу, присущую началу семилетки какой-то неустойчивый творческий азарт рабочих, техников и инженеров, их самое горя-

чее стремление делать все как можно быстрее, экономнее и лучше.

В двух томах stenografического отчета «Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза» представлено будущее страны. Читая, и порой кажется — перед тобой фантастический роман. Реальная стадия в осуществлении сплошной электрификации... Широкое применение атомной энергии в мирных целях... Автоматика... Кибернетика... Полеты на небесные тела... А главное — воспитание нового человека, Человека будущего.

Трудно обуздать речной поток и подчинить его разумной воле человека. Трудно овладеть термодерными реакциями. Но нет ничего сложнее и труднее, чем воспитать Человека будущего. И здесь — главное поле деятельности литературы, в том числе публицистики.

Литература уже вносит свою долю участия в семилетку. Писатели дали серии публицистических книжек в изданиях «Молодой гвардии», «Молодой правде», «Молодой гвардии», «Комсомольской правде», «Труде» и других газетах; опубликованы публицистические статьи и очерки в толстых литературно-художественных журналах. Нужно отметить всевозможные записки, публицистические журналы «Знамя», «Новый мир», «Октябрь», на страницах которых появился ряд интересных выступлений писателей на темы современности.

Происходит важное и весьма принципиальное явление для литературы наших дней — на передний край, как и в годы первой пятилетки и Отечественной войны, выходят самые боевые жанры: очерк и публицистика.

В связи с этим хочу рассказать о своеобразном выступлении писателя-лирика Нины Емельяновой на интересном творческом совещании секции московских очеркистов, где речь шла о сегодняшней Сибири. О чем говорила Нина Емельянова? Тонкий художник, она с необычайной открытостью поведала собравшимся о том, что сейчас очутилась на распутье...

— Я вся ушла в роман, — рассказывала Нина Емельянова, — в роман, для которого в течение многих лет наплакала наблюдения, в который вложила много сил, времени и душевного волнения. Но... роман будет написан через два года. Да на его публикацию уйдет еще год, и выйдет, что я из-за любимого романа о былом пропущу семилетку, окажусь вне ее кипучей жизни... Можно ли пойти на такой шаг?.. Нет!

(Окончание на 2-й стр.)

Сибирь зовет!

Михаил БУБЕННОВ

ГАЗЕТНОЙ работе я отдал лет десять своей жизни — и в дни мира, и в дни войны. Стоит ли говорить, насколько важной представляется мне публицистическая деятельность писателя, его способность шагать в ногу с жизнью?

Как только начался великий поход за освоение целины, я немедленно поехал в Сибирь, на Алтай — в свои родные края, где советские люди владели первые пласты заброшенных дотоле земель, закладывая на них новую гигантскую житницу страны. Плодом этой поездки явился роман «Орляная степь», который в скором времени будет опубликован в журнале «Октябрь».

Но для романа понадобилось несколько лет работы. А время не ждет! И я вновь почувствовал, что жизнь настоятельно требует от писателя более оперативного отклика. До выхода в свет романа хлопот с ним еще много. Но все мои мысли уже снова там, в Сибири.

Сибирь зовет! Не опасась преувеличения, можно сказать, что наступает эпоха великого расцвета восточных районов нашей страны, предопределенная историческими решениями XXI съезда партии.

Недавно я получил письмо из Красноярска. — Приезжай в наш край, — пишут мне, — здесь творятся большие дела...

Я бывал в тех местах. И я снова поеду туда, чтобы рассказать о новой жизни края, о героическом труде земляков на необоримых сибирских просторах, и на этот раз рассказать прежде всего в жанрах газетной и журнальной.

Первая трибуна

Даниил ГРАНИН

ПИСАТЕЛЬ, по роду своей деятельности, непременно нуждается в гражданском общении. Лучшая возможность для этого — газета. Может быть, выступления в газете иногда и отрывают литератора от его непосредственной работы, но это необходимо для здоровья писательского организма.

Нельзя в наши дни механически переносить старые формы писательской работы в газете, которые существовали, скажем, в годы первых пятилеток. Необходимо искать какие-то новые пути. Например, в ленинградской писательской организации очень хорошо проходят коллективные выезды литераторов в составе бригад обкома партии в районы области.

У нас все шире начинают практиковаться выступления литератора в газете после творческой командировки, своего рода отчеты перед широкой читательской общественностью.

Как читатель «Литературной газеты», могу сказать, что осущился по крупным писательским выступлениям в газете. Хотелось бы, чтобы «Литературная газета» продолжала с еще большей широтой и настойчивостью ставить и разрабатывать на своих страницах такие важные проблемы, как киниздательское дело, дальнейшее развитие бумажной промышленности, охрана природы.

ЛЕНИНГРАД

Мы — солдаты пера

Гафур ГУЛЯМ

Я, СОЛДАТ советской печати, находясь в ее строю с первых лет революции. Сорок лет — это, как говорят у нас в Узбекистане, срок, необходимый для того, чтобы стать джигитом. На моих глазах зарождалась и набирала силы республиканская печать, советские газеты и журналы завоевывали вольные просторы страны, выходили за ее пределы. На моих глазах мушкетеры нашей журналистики. На моих глазах газетные новобранцы превращались в аскалов литератур. Личный опыт позволяет мне сказать: для писателя, особенно начинающего, сотрудничество в печати — одна из лучших форм связи с жизнью, познания людских характеров. Очень часто это первая весна, первая ласточка большого творчества. Нам, писателям, есть чему поучиться у работников печати. Газета для писателя — великодушная школа целенаправленности, правдивости и, если хотите, школа типизации: ведь она учит писателя видеть и отбирать материал.

По-моему, сильная сторона работы нашей печати — участие в ней писателей. Надо ли говорить, что проблемная художественная публицистика, острый фельетон, хороший рассказ и стихотворение не только «украшают» газету, но и усиливают ее воздействие. И это обстоятельство, отчетливо, по-партийному понимая крупные наши писатели. Например, Хама и С. Айна, да и писатели моего воз-

Призвание и долг

Любомир ДМИТЕРКО

КАК И МНОГИЕ мои товарищи, я начал свою литературную жизнь в газете, работал в армейской и фронтовой печати во время Великой Отечественной войны, связан с газетами по сей день и не представляю литератора, который сознательно отказался бы от массовой печатной трибуны.

Публицистическая деятельность — призвание и долг писателя. Очерк — важный оперативный жанр литературы, он, несомненно, помогает нам укрепить связь с жизнью. Но, разумеется, этим жанром далеко не исчерпываются доступные писателю формы общения с жизнью и возможности активного воздействия на нее. Когда в свое время «Новый мир», а за ним и некоторые другие литературные журналы начали открывать свои номера только очерками, я подумал: ведь было бы лучше, если бы номера открывались хорошими романами, повестями, повестями, яркими, отражающими жизнь народа, его борьбу, творческий труд, продвижение вперед. А иногда и очерком, если он этого заслуживает.

Роль писателя в пропаганде семилетки, несомненно, важна. Очень хорошо, если в газетах появится как можно больше писательских очерков и заметок, эмоциональных, с яркими, выразительными образами. И еще лучше, если каждое такое выступление будет адекватно, ближайшим подступом к большому художественному полотну!

Киев

Боевые жанры

Михаил ЖЕСТЕВ

НЕДАВНО я закончил серию писем-очерков «Великое в малом» — о семилетке сельского хозяйства (они будут опубликованы в японской книжке журнала «Звезда»). Каков характер этих очерков, можно судить хотя бы по заглавиям: «О кормилице-земле, мужике и большевике», «Как трудился с рублем тягался» и т. д.

Работая над этой серией, я думал о том, что в пропаганде семилетнего плана мы, писатели, должны лучше пользоваться своими художественными средствами. Ведь самая главная наша задача — это рассказать перед человеком его место, значение и значимость его труда в семилетке.

Маленькие рассказы, короткие очерки о людях, художественные зарисовки, письма — вот те формы писательской публицистики, которые сейчас в первую очередь должны быть взяты на вооружение.

И конечно, и нашим журналам, и «Литературной газете» надо лучше использовать все эти формы. ЛЕНИНГРАД

Миллионам читателей

Вадим КОЖЕВНИКОВ

УЧАСТИЕ в периодической печати мне представляется жизненной необходимостью для писателя. Оно учит глубоко, сосредоточенно видеть жизнь, умение различать главные явления сегодняшнего времени. Оно создает соразмерную наблюдению, воспитывает понимание того, из чего складывается «стояк времени», помогает находить главный узел жизни. Все литераторы моего поколения не только прошли школу газеты, но и остались связаны с ней до конца жизни.

Я категорически не принимаю ни понятия, ни термина «газетный» в смысле подлинного его применения: «газетный язык», «газетный материал» и т. д. Опыт многих литераторов показывает, что опубликованное первоначально в газете может выдержать проверку временем. Разумеется, не все напечатанное в газете может переиздаваться. Но не потому, что писалось «для газеты», а просто — потому, что было написано неважно.

Нас особенно должна возмущать действительность и живучесть газетной публицистики. Книга в

СЛОВО СИБИРЯКОВ

НЕ ПЕРВЫЙ ГОД входит в колхоз «Путь к коммунизму» Ногинского района, Московской области, многогранная газета «Авангард». Она совмещает ход соревнования за дальнейший подъем экономики и культуры родного колхоза, несет своим читателям и новости, и интересные критические статьи, и полезный совет. Редактирует газету Н. В. Бышева — специалист агроном, и это тоже характерная особенность. В газете активно участвуют члены сельхозкооператива и артисты; только постоянных подписчиков в пятнадцать.

«Свой номер «Авангарда» приносит в поле. Тракторист Иван Васильев знает колхозников с последними новостями». Фото Е. ТИХАНОВА

ИЗ ПЕРЕЖИТОГО

МОИ первые выступления в печати тесно связаны с революционным движением. В годину первой революции работал я в уездной земской управе. По заданию Борисоглебской и Воронежской групп социал-демократов «искровцев» распространял по деревням листовки с выдержками из брошюры Ленина «Из деревенской бедноты». Распространял мы также несколько листовками под заголовком «Майский праздник». В них говорилось о помещиках-хищниках, которые «захватили в свои руки миллионы десятин земли». Кое-что из этой листовки перенесли мы на те пять страниц, которые составляли наш ежемесячный собственный изобретения «журнал» под названием «Красный лапоток». На страницах этого отпечатанного на гектографе «издания», помимо агитационного материала, помещались стихи поэтов-земляков — Кольцова, Никитина, а также порою и мои собственные «пробы пера», как, например, обращение к мятежной деревне:

Когда на клич рабочих — «Долой царя, долой!» — Подымут, что есть мочи, Крестьяне голос свой, Враз рухнет царский строй, А там — ей-ей! — и баре Окажутся на саде.

По «неблагонадежности политический» я был изгнан с работы в земской управе. И тут начались налеты — обыски, связанные нередко с моими заметками в печати о гнусном своеволии «охранников» помещичьих имений. Будучи вынужден скитаться по деревням, я все же не смог укрыться от слежки, был в начале 1908 года арестован и оказался в Сибири.

ПОСЛЕ событий на Лене нам, большевикам, удавалось, хотя и в полукамерках, на страницах местных газет Новониколаевска, Томска, Иркутска освещать смысл и значение первомайских выступлений трудового народа. Правда, подобные майские «вылазки» в печати зачастую вызывали денежные штрафы, налагаемые на издателя.

Проводились в те годы маевки в глуши, за городом, причем еще в 1910—1913 годах в Новониколаевске местными литераторами не без успеха читались участником маевки собственные очерки, стихи, рассказы на революционные темы.

Маевки в Томске вплоть до революции справляли мы за городом, но дважды, с помощью известного исследователя народов Азии Потанина и писателя Вячеслава Шинникова, нам удалось провести Первой в аудитории Общества попечения о народном образовании; здесь читались рассказы и стихи местных литераторов перед рабочими, студентами, солдатами.

Отведая в 1916 году тюремной одиночки в связи с распространением листовок о превращении империалистической войны в гражданскую, я с 1917 года, после Октябрьской революции, нес обязанности по редактированию нашего партийного органа «Сибирский рабочий» и одновременно — заведующего народным просвещением Западно-Сибирского учебного округа. Это позволило мне подготовить к майским торжествам 1918 года в Томске открытие первой в Сибири Высшей школы живописи и Государственной картинной галереи, реквизируя для нее купеческий особняк, — здесь мы собрали произведения художников Шинникова, Васнецова, уроженца Сибири Сурикова, алтайца Гуркина и многих других.

СТРАНИЦЫ ПРОШЛОГО

Этот снимок относится ко второй половине 1918 года, когда Всеволод Вишневский служил в морском на флагманском корабле Волжской флотилии — «Ваня-Коммунист». В своих воспоминаниях о гражданской войне В. Вишневский писал: «По призыву Советского правительства в морьякам в июле 1918 года я пошел добровольцем в Волжскую военную флотилию. Меня принял организатор флотилии — легендарный комиссар товарищ Маринин и назначил пулеметчиком на военный корабль «Ваня». Вскоре произошло важнейшее в моей жизни событие: я был принят в члены РКП(б)».

Служа на корабле, участвуя в боях с операционными противниками Советской республики, В. Вишневский одновременно активно выступал в волжской печати. Он был одним из первых агитаторов, трибуна, пламенного публициста, каковым был на протяжении всей своей боевой писательской жизни В. Вишневский.

На снимке: В. Вишневский в 1918 году (фото публикуется впервые).

Письмо Демьяна Бедного рабкорам

ПОСЛЕ смерти Владимира Ильича Ленинского партией организована Трек-гогорного (ныне имени Бадаева) завода пополняются многими молодыми коммунистами. Помимо, каковы активные работники нового труда и пролетарского быта стала наша стенная печать. Тогда-то и возникла мысль об издании на гектографе еженедельного журнала, в котором бы полно самими рабочими освещались заводская жизнь.

Наш депутат в Мессово Демьян Бедный, и которому мы, подготовив первый номер, обратились за «напутствием», встретил наше начинание восторженно.

«Хорошая штука», — говорил он, — это пробы заметки... Вот куда прут наши рабкорышки. Молодцы!

И тут же написал на восторженное следующее послание рабкорам:

«Рабкорам новорожденного журнала «Завод».

Дорогие товарищи! Сердечно вас приветствую и поздравляю с «новорождением» вашего еженедельника. У семи буржуазных нянек дитя всегда держалось без глаза.

Я убежден, что чем больше будет вас, рабкорских нянек, у новорожденного пролетарского дитяти — журнала, тем это дитя будет крепче.

И от этих глаз ничего не укроется, ни хорошие, ни худые, и интересы рабочих в новом журнале будут выявлены и защищены в полной мере.

Демьян Бедный.

Этим письмом открывался первый номер нашего журнала.

Д. УТЕКС, член КПСС с 1918 года

Заметки о публицистике

(Окончание. Начало в 1-й стр.)

И писательница пришла к выводу: не имеет она права отдавать все силы роману о прошлом. Чувствуя властную потребность жить в семилетке, она берет перо очеркиста, и с ним отправляется в Сибирь.

ПЕРО публициста... Голос публициста. Как нужна сегодня эта сила. И как будет счастлива писатель, познающий вдохновенные борьбы на переднем крае семилетки.

Публицистика — самое действенное, мобильное средство вмешательства писателя в жизнь, самая оперативная форма его участия в семилетке. Это, конечно, ни в малейшей мере не означает, что задача создания монументальных художественных произведений — романов, повестей, поэм, драм о наших современниках, творцах семилетки, — что эта задача может быть отодвинута на второй план. Наоборот! Всю жизнь первых пятилеток, Алексей Максимович Горький сам брался за перо очеркиста и публициста, призывал к этому всех писателей, выводил их на передний край борьбы за пятилетку. И наряду с очерками и публицистическими статьями, немедленно появляющимися в газетах и журналах в самом ходе событий пятилетки, рождались и большие художественные произведения.

А как используем мы предоставленные нам возможности? Как творим публицистическую семилетку? Как видим все то новое, что являет жизнь, как изучаем ростки коммунизма?

Большинство очерков и статей о бригадах коммунистического труда все еще носит характер поверхностности, случайный по выбору фактов и наблюдений. Ни писатели, ни ученые еще не осмыслили всю новь бригад коммунистического труда, не раскрыли те принципиально новые черты ударника коммунистического труда, что отличают его от ударника первых пятилеток.

Народ ждет от нас взволнованной, умной, художественно выразительной публицистики о советской науке, о ее проблемах и ее творцах.

Академик Лаврентьев мечтает пробыть землю на глубину 15 километров, чтобы провести исследования таннистых недр планеты. А что, если загнать под давлением по скважине в раскаленное ядро Земли воду? Когда она будет вырваться обратно в виде перегретого пара, то приведет в действие паровые турбины электрической станции. Ученые думают о применении в добыче ископаемых направленных взрывов огромной силы, образующих рудное тело на больших пространствах. Атом. Электронные вычислительные машины. Думы о создании искусственной атмосферы на Луне... Овладение управляемыми термоядерными реакциями, искусственный блок, изобретение человечества от рака, создание химиками новых, прежде неизвестных материалов, управление климатом на Земле — это все фантазия, а планы, расчеты научных лабораторий.

Но как еще мало, медленно, а подчас и невыразительно пишем мы о науке!

Можно перечислить много областей народной жизни — совхозы, РТС, народные университеты культуры, искусство, быт, да и саму литературу, — областей, куда редко, а то и совсем не заглядывают публицисты и очеркисты.

Создание публицистики семилетки — задача не только журналистов и газет, но и кино, и радио, и телевидения. Теперь сфера воздействия публициста на советского человека стала куда больше, чем это было 30 лет назад, в пору рождения первой пятилетки, — одно только выступление писателя или журналиста по телевидению, тем более по радио, дает ему многомиллионную аудиторию.

Сейчас значительно активизировались кинопублицистика и такие картины, как «XX век», «Великий поворот», «Независимые годы», «Этапы большого пути», «Говорит спутник», «Так мы жи-

В ПРЕДМАЙСКИЕ дни в Новосибирске состоялась первая в Сибири конференция читателей «Литературной газеты». В зале Театрального зрителя собралось около шестидесяти человек — рабочие, инженеры, писатели, врачи, учителя. Конференцию открыл член правления Новосибирского отделения Союза писателей А. Никурьев. Говоря о связи газеты с сибирскими литераторами, он подчеркнул, что сейчас, когда Сибирь выдвинулась как форпост семилетки, «Литературная газета» должна смелее вторгаться в «сибирский материк», расширять свои связи с литераторами и читателями Сибири.

О работе редакции и ее ближайших планах рассказал член редколлегии «Литературной газеты» Г. Гуляев.

Какие важные, волнующие проблемы еще не нашли своего отражения на страницах газеты? Что из опубликованного за последнее время вызвало наибольший интерес читателей? Используют ли редакция все многообразие форм связи с читателями? Эти вопросы

К 100-летию со дня смерти С. Т. Аксакова

12 МАЯ исполняется 100 лет со дня смерти Сергея Тимофеевича Аксакова.

Большой вечер в Московском Доме литераторов организовал Институт мировой литературы и Институт русской литературы Академии наук СССР совместно с Союзом писателей.

Гослитиздат и Детгиз отмечают эту дату выпуском произведений писателя. В Детгизе выходит в частности, подарочное издание «Рассказов о родной природе» с иллюстрациями Г. Никольского и сказка «Аленький цветочек». Министерство связи СССР выпускает марку с изображением писателя.

В ознаменование памятной даты в подмосковном музее «Абрамцево» организуется большая выставка.

12 мая на Новодевичьем кладбище состоится торжественное возложение венков на могилу писателя.

Юбилей И. Гурского

Общественность Белоруссии отметила 60-летие писателя, члена Коммунистической партии с 1919 года, Ильи Даниловича Гурского, автора романа «В огне», повести «Лесные солдаты», рассказов и пьес. В приветствии правления Союза писателей Белоруссии юбиляру отмечается значительный творческий вклад И. Гурского в белорусскую литературу.

Июбилей И. Гурского отметили 60-летие писателя, члена Коммунистической партии с 1919 года, Ильи Даниловича Гурского, автора романа «В огне», повести «Лесные солдаты», рассказов и пьес. В приветствии правления Союза писателей Белоруссии юбиляру отмечается значительный творческий вклад И. Гурского в белорусскую литературу.

ПОВЕСТЬ НАЗЫВАЛАСЬ «Я» И ОСТАЛСЯ «Я»

Лев Николаевич Птишкин, юный провинциальный счетовод, отразил в ней свои взаимоотношения с соседями.

В редакции журнала «Яровая пшеница» рукопись автору вернули. Слегка похваставшись ценностью слога, редактор тем не менее сказал: «А вообще пишете, юноша. Пробуйте, старайтесь. Читайте классиков. И Птишкин стал писать, ходить по издательству и ждать, когда придет час его славы. Это будет так: завоюет телефон, и начнется дурманящий разговор о тиражах и гонорарах.

Но проходили годы, юный счетовод повысился в должности и стал бухгалтером, а телефон не звонил...

Кругом бешевали цифры. Им непременно хотелось нарушить финансовую дисциплину. О схватках бухгалтера с цифрами рассказывали толстые книги учета, одетые в серый, как армейская шинель, картон. Глядя на эти книги, Лев Николаевич думал о других — маленьких, с золотым тиснением на переплете...

Единственным человеком, который оказал дарование Льва Николаевича, был его сосед Огромнов. По субботам они вместе навещали расположенную неподалеку от их дома шашлычную и беседовали о литературе.

— У вас что? — спросил Огромнов. — У нас, это самое, талант. Вот люди, они для меня что? Население. А для вас это не люди, нет! Они для вас, как их, образы и что? Портреты!

Лев Николаевич в калачовской манере читал Огромнову свежий этюд.

«И у жизни есть свой потолок — потолок жизни. Иной и хочет взлететь — ан, нет!»

И он заговорил о своих зря потерянных годах, о том, что не печатают его не случайно, — ведь не может быть, чтобы всюду сидели бюрократы, — что писать он не умеет и больше не будет, что бухгалтеры нужны не меньше писателей...

— Не надо! — жестко сказал Огромнов. — Не нужно уходить из литературы. Ну, давай у народа спросим! От соседних столиков на голос Огромнова потянулись любопытные.

— Граждане! — воззвал к ним Огромнов. — Вот человек из литературы уходит. Культурный человек! Сегодня, к примеру, про потолок сочинил.

— Правильно! — гудел чей-то лопьяный бас. — Потолок у нас никакая не гора! Текут потолки!

И Птишкину потонулся хмурым человеком в сером костюме.

— Где издается? — строго спросил он. — Нигде?.. Как не берут? Возьмут! Действительно, — подумал Лев Николаевич, — на каком основании? Возьму да и буду писать!..»

Писал Птишкин быстрее вихря. Если бы его великий тезка умел творить с такой производительностью, то подписчики Гослитиздата передавали бы квитанции из поколения в поколение.

Перо неслось по бумаге, разбрызгивая фиолетовые искры и оставляя за собой строчки, полные ледящего духа драматизма. Родилась горькая повесть о литераторе-самородке, вступившем в конфликт с жестокой издательской общественностью.

Прост и понятен был сюжет рассказа. Нейный бухгалтер пишет романы. Злые издательские работники отказываются их печатать. Геня притесняют, но он несокрушим.

«...Я горд, — сказал бухгалтер издательским работникам, — я горд, и я горжусь этим!»

Щедро удобряя бумагу пыльными метафорами, Птишкин вел рассказ к трагической развязке.

За оном начинало светать, когда Лев Николаевич заставил своего тезку с криком: «Проклятье вам, редактор!» застрелился.

Птишкин мстительно улыбнулся: «Пусть теперь не печатают!»

Встаю утро. Оно было безоблачным. И только над одной из городских редакций нависла туча. Но там еще ничего не знали об этом.

...Есть простой застенчивый гражданин, пришедший в редакцию со своим первым произведением, — говорил редактор. — И есть опытный редакционный сотрудник, который с первых же страниц понимает, что автор рассказа никогда не будет писателем. Тут бы ему и сказать: «Не пишите. Не в этом ваше призвание». Но сотрудник начинает мамлить: пробуйте, мол, старайтесь, не боги горшки обжигают... И лет через десять застенчивый гражданин превращается в свирливого неудачника с пыльной рукописью под мышкой. Его погубили. Мы!»

Редактор встал и вдохновенно пропел по кабинету. Пригорюнившийся сотрудник отдела прозы сидел тихо.

— Нужно смело говорить бездарному автору о его бездарности. Я всю жизнь придерживался этого принципа. Один юнец, помню, принес мне повесть «Я — и остальные». «У вас нет таланта», — честно сказал я ему. Это было давно — еще в бытность мою редактором журнала «Яровая пшеница». Тот юнец, конечно, бросил писать, стал инженером или бухгалтером...

— Бухгалтером! — взметнулся ужаленный этим словом сотрудник отдела прозы. — Совсем забыл! — и он поведал редактору жуткий сказ о самоубийстве бухгалтера-самородка, предположивший одним странным автором.

— Он, кстати, у меня сидит.

Редактор воинственно поправил галстук и решился:

«Я ЗАНЕСУ ВАМ РОМАН...»

— Давайте его сюда. Я сам с ним поговорю. Смотрите и учитесь.

Через несколько минут в сопровождении заведующего отделом в кабинет вошел непреложного вида человек.

— Я расскажу вам бас, — сказал он, едва усевшись в кресло, — при выплате мне гонорара учесть стоимость перепечатки у частной машинистки.

Редактор собрал лоб в складки и перелюбовался с сотрудником.

— Скажите, — осведомился он, стремясь замять разговор о гонораре, — вы давно пишете, э-э-э... Птишкин?

— Птишкин, — строго поправил посетитель. — Лев Николаевич. Пишу двадцать лет. Литература для меня — вопрос жизни и смерти.

— Я скажу вам правду, — смело начал редактор и осекся. Он вдруг понял, что беседа обещает быть трудной, а переписка авторов душ вообще-то не входит в его прямые обязанности...

— Я скажу вам правду, — повторил редактор. — У вас есть способности. Конечно, этот ваш рассказ еще не совсем того, но... — тут редактору пришлось в голову, что неутомимый автор может выхватить из кармана еще один рассказ, и он быстро сказал: «...но мне кажется, что рассказы вообще не ваше амплуа. Пишите монументальные вещи! Пробуйте! Учитесь у классиков.

Суровый взгляд Птишкина потеплел. — Эти слова, — задумчиво произнес он, — всегда были моей программой. Я услышал их еще в юности.

«Хотел бы я знать, — подумал редактор, — какой тип ему это внушил?»

— Это было, — продолжал между тем Лев Николаевич. — Двадцать лет назад. В журнале «Яровая пшеница». Интересно, где сейчас тот добрый человек... Вы правы. Я действительно, взялся не за свое дело. Через неделю я занесу вам роман!

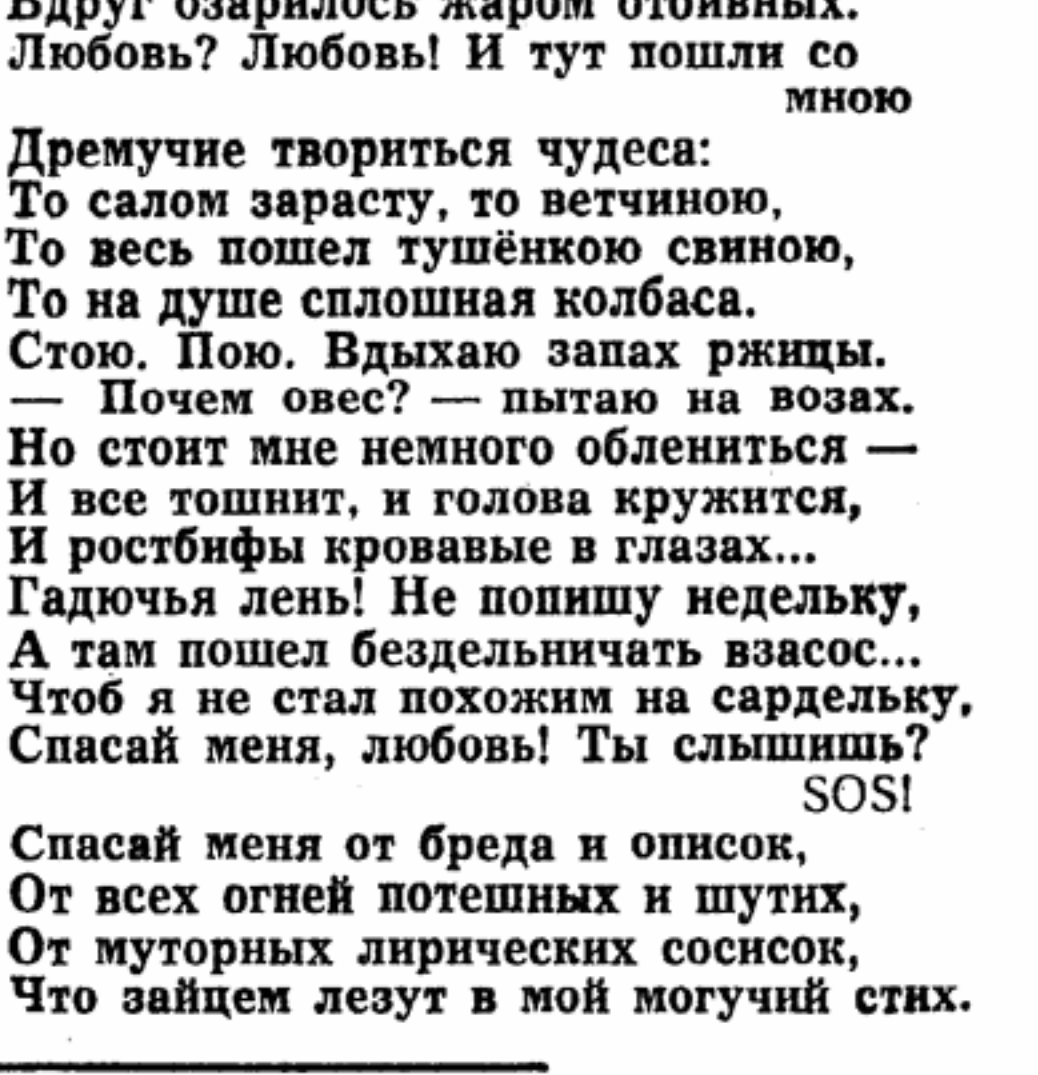
ЛЮБОВЬ НЕ ТУШЕНКА

Мне кажется порой, что я не гений, Но, как никак, меня рожала мать. И был кругом такой простор — весенний... срифмовать.

И тоже много чудное мгновенье, Когда перодо мной являлся вы. Я тут же испустил стихотворенье И долго прыгал выше головы.

спросенок, Не отличал от прочих и иных, Не сердце, как холодный поросенок, Вдруг озарило жаром обильных Любью? Любовь! И тут пошли ко мною Дремуче творится чудеса: То салом зарасту, то ветчину, То весь полеш тушенку свиному, То на душе силлоуша колбаса. Стою. Пою. Выдыхаю запах ржицы. — Почему овец? — пытаю на возах. Но стоит мне немного облениться — И востыт, и голова кружится, И ростибы кровавые в глазах... Гадючка лень! Не пошшу недельку, А там пошел бездельничать вазос... Чубя я не стал похожим на сардельку. Спасай меня, любовь! Ты слышишь? SOS!

Спасай меня от бреда и описок, От всех огней потешных и шутки, От мутурных лирических соносок, Что зацмек лежат в мой могучий штах.

Дружеский шарж А. Соколова

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

О ВРЕДЕ ТОРОПЛИВОСТИ

«РАБОТАТЬ мы умеем...» — так называлась корреспонденция, опубликованная в нашей газете 19 февраля 1959 года. В ней рассказывалось о жизни и духовных запросах молодых рабочих. Автор отмечал существенные недостатки в культурном обслуживании населения Днепропетровска.

Едва получив номер газеты с этой статьей, руководители Днепропетровской областной филармонии П. Кравченко и Н. Крейер поторопились направить в редакцию ответ, в котором писали, что «вызывает удивление столь необоснованное заявление автора статьи».

Вскоре редакция получила еще одно письмо из Днепропетровска. Заместитель начальника областного управления культуры А. Выбодовская в свою очередь пишет, что корреспондент «раскравывает свои предположения, но никак не отражает подлинного существа вещей, дезориентирует советского зрителя (?) и мнение общественности».

Третье письмо пришло из Днепропетровска. Автор его — секретарь комитета комсомола завода имени Дзержинского М. Сушко приводит дополнительные данные о недостатках культурно-просветительной работы.

Глаголом жечь сердца людей!

Фатых ХУСНИ

Одна небольшая повесть, появившаяся недавно у нас в Татарии, навела меня на мысль написать эту статью. Автор повести — молодой писатель Б. Камалов — знакомит нас с недавним десятиклассником Ильсуром, который сорвался на вулканитических экзаменах в институт. Юноша мечтает махнуть теперь куда-нибудь на большое строительство — на Сталинградскую ГЭС или на Братскую. По пути из Казани к себе в деревню он встречает в вагоне пробирающегося из скромных строителей Татарию. Наслушавшись его советов, Ильсур отказывается от прежней мечты и, даже не захав к матери, тем же поездом отправляется на маленькую стройку. Вы думаете, что он быстро разочаруется и убежит оттуда в поисках романтики? Нет! Его неотступно караулит с одной стороны — расчленивший автор, с другой — добрый прораб. Немного неурядиц в общении, маленькие неприятности на репетиции самолетадельного кружка, на спортивных тренировках... И любовь, и маленькое препятствие к ней... Все маленькое, аккуратненькое — и строительство, и любовь, и страсти... Все в конце концов улаживается, и молодой человек, мечтавший в начале повести во что бы то стало сдать на будущий год «проклятую физику» и поступить в строительный институт, в конце произведения решает «бросить тут юные навеселы». Прошай, мечты, прошай, юные порывы!

Автор удивительно аккуратно сводит «концы с концами». И язык у него неплохой. И диалоги довольно-таки динамичны... И верный холодно-пунктуальный расчет во всем этом.

Но это холоднодушный, приниженный, словно бы нарочито приземленный реализм и огорчает больше всего в повести Б. Камалова. Названа она «Когда поднимаешься в гору». Куда уж там в гору! Не пускает автор своего героя в гору — в большую, страстную жизнь. Напротив, он подчеркивает несамостоятельность, робость, прямо-таки «конфетность» главного героя.

Или вот произведение другого молодого прозаика — З. Вали «Несмелый парень». Уже название показывает, что и здесь подчеркивается несмелость, несамостоятельность главного персонажа. Но перед нами, казалось бы, обратная ситуация. Если у Камалова молодой человек, оставившись на работу, очень быстро оставляет свою мечту о дальнейшей учебе, то в рассказе З. Вали основному персонажу, колхозному шоферу Бургаку, почти все — и мать, и возлюбленная, и друг детства, и председатель колхоза — отказывают в любви и уважении лишь потому, что тот не хочет идти в институт. Боже мой, неужели в современном

колхозе нет уже больше дел интересных и важных! Вот уж высочайшая из пальца «проблема»! Какие только формы учебы не существуют у нас! И кто только не учится — с отрывом и без отрыва от производства! Если, допустим, шофер, получив сначала обязательное восьмилетнее образование, а потом окончив курсы и сдав экзамен на водителя, не хочет сойти с полюбившейся ему машины и отказывается поступать в институт, право, стоит ли из-за этого стучать лопатой? Старая татарская поговорка «И ты мулла, и я мулла, а кто лошадей сена полкнет?», в какой-то степени звучавшая актуально до реформы народного образования, теперь начинает выходить из моды. Хорошо! Только это не значит, что молодежь направо опускает крылья и мы, писатели, вправе описывать ее бескрыло, приземленно.

А ведь именно так и получилось в обоих повестях, хотя, повторяю, ситуации в них противоположны. Ильсур — не герой, он не хочет учиться, он чужд большому мечте, большого жизненного устремления. Но ведь и у Зиннаты Вали, который руками своих персонажей «толкает» Бургака в институт, вышло то же самое. Потому что конфликт в повести — надуманный, а точнее — мелкий, несущественный, неважный. Отсюда — приземленность, вялость обоих произведений и, что самое плохое, отчетливо сквозящее в них равнодушие автора к судьбе своего героя.

А сколько сборников стихов, где авторы кокетничают тем, что умеют тихо и безмятежно писать о молодежи! Если, не дай бог, судить о жизни по таким стихам, то получается, что человек в мире свой пришел лишь для того, чтобы вначале кого-то потерять, а потом выдыхать по потере и плакать, грустить... Была бы хоть глубокая, душевизиющая тоска. Так нет, просто мелкая, расчленившаяся, рифмованная хандра! Читайте, читайте такие стихи или рассказы с их расчленившимися чувствами, расчленившимися характерами, и честное слово, во всем глотку хочется заржать: «Что за слюнявство! Да откуда вы взяли такие?»

Народ наш — народ-творец, народ-мечтатель, всегда напряженно вольев в созидании, ненавидящий всякое мещанство. Мы заняты большим трудом, мы живем во имя справедливого устройства нашей беспокойной планеты, мы заняты созданием новых планет. Нам нужна поэтому литература огромной страстности, характеры огромной активной силы.

Мне вспоминается Валентина Гаганова, опытная прядильщица, которая поступила личными интересами, перешла из передовой бригады в отстающую, чтобы помочь товарищам. А сколько таких, как она! Или желание наших рабочих учиться! На небольшом казанском заводе «Серп и молот» учатся, например, десятки людей без отрыва от производства. Учатся молодые рабочие в вечерней школе, чтобы получить среднее образование. Учатся средний технический персонал в институтах, чтобы стать инженерами. Когда молодые ребята Нургули Музафаров, Валерий Васильев и Володя Савин поступили в вечернюю школу, товарищи по бригаде стали возражать, что мол, из-за них нарушается порядок сменности; тогда ребята согласились работать постоянно в ночной смене. Конечно, впоследствии все уладилось и без этой жертвы. Но примечательны порывы людей никак не хотят лишиться учебы. Учеба для них — это страсть, и дело не в том, пойти в институт или нет, а в главном: как жить? И живут эти люди совсем не так, как герои Б. Камалова и З. Вали, а упорно, открыто, страстно.

...А мы? Мы еще слышим часто вы-

думываем, несуществующие конфликты, пытаемся втиснуть наших героев в сдержанные ритмы, мы опускаем им крылья, мы творим аккуратно, словно в белых перчатках, и предписываем читателю свои умеренные, уравновешенные, холодно-рассудочные творения.

Без тех произведений, с которых я начал статью, на мой взгляд, в том, что «приземленный реализм» подменяет в них открытость, холодный расчет — взволнованную страстность художника. А там, где нет страстности, — нет творческого искусства. Там, где нет страстности, — там схема.

Схема — пусть самая отточенная, самая продуманная — это, в конечном счете, отсутствие в писателе любви к героям, к жизни, к людям. Подгоняя людей и события под заранее придуманную схему, мы тем самым убиваем в героях способность самостоятельно двигаться, мыслить, действовать. Начав писать книгу, часто ли спрашиваем мы себя, свою писательскую совесть о том, насколько «согласны» наши герои с тем, что мы задумали и решили в своей так называемой «лаборатории»?

Когда между тобой и твоими героями достигнуто внутреннее «согласие», когда ты страстно любишь их и доверяешь им, — право же, не окажется на земле светской ничего прозаического, ничего такого, что не засверкало бы при волшебном соприкосновении с влюбленным сердцем поэта. Поэт Сабит Хаким, принимавший активное участие в работе суда в качестве народного заседателя, написал цикл стихотворений «В зале суда». Суд, приговоры, решения... Казалось бы, какая уж тут поэзия для поэзии? А вот поэт создал волнующий цикл о человеческих судьбах, о людях, об их поучительных ошибках и тревогах...

Ведя разговор о той или иной книге, особенно если перед нами молодой автор, мы не должны забывать об этих очень важных сторонах нашего искусства. Я с удовольствием прочитал в «Литературной газете» умную и весьма предметную статью Бориса Галина «Натяжение и случайное». Справедливо сказано там: надо помочь «каждому найти себя, свою тему». И хочу лишь добавить, что мало только «найти себя», надо отдать себя. Отдать себя целиком, затереться большим огнем и — гореть, не сгорая. Не могу не вспомнить Льва Толстого. «Для того же, чтобы художник выразил внутреннюю потребность души», — писал он в своих заметках «Об искусстве», — «он должен, во-1-х, не заниматься многими пустяками, мешающими любить настоящему то, что свойственно любить, а во-2-х, любить самому, своим сердцем, а не чужим, не притворяться, что любишь то, что другие признают или считают достойным любить».

Крепко сказано, хоть возьми да вылепивай над письменным столом, чтобы всегда кричало в душу.

Литература большой страстности рождается лишь в горячих, влюбленных в жизнь сердцах. Ведь не зря и не на час сказано великим поэтом: «Глаголом жги сердца людей!»

КАЗАНЬ

СОЗДАДИМ ОБЩЕСТВО ДРУЗЕЙ КНИГИ

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ
СЕМИЛЕТНИЙ план — это не только программа развития народного хозяйства. Это и формирование нового, всесторонне развитого человека коммунистического общества.

Испытанным средством коммунистического воспитания масс, пропаганды передовых идей, источником знаний во всех отраслях науки и техники, выразителем больших чувств и вдохновения художника слова является книга. В нашей стране книга пользуется всенародной любовью.

Нигде не издается так много книг, как у нас. Свыше 20 миллиардов экземпляров книг издано в СССР за годы Советской власти. В 1958 году выпуск книг в нашей стране превысил 1 миллиард экземпляров, что составляет пятую часть мировой книжной продукции. А в 1965 году будет издано 1 миллиард 600 миллионов книг.

Для того чтобы полностью удовлетворить культурные запросы трудящихся, недостаточно только развивать и расширять книготорговую сеть. В нашей стране развернулось движение общественных пропагандистов — распространителей литературы. В прошлом году друзья книги распространили миллионы книг. Их усилия объединяют и направляют Советы друзей книги, созданные и создаваемые на предприятиях, в учреждениях, учебных заведениях в городах и районах страны. Они организуют и проводят книжные базары, читательские конференции, литературные вечера, направляют работу общественных распространителей книг, помогают книжным магазинам изучать спрос читателя.

Но Советы друзей книги не связаны между собой, не имеют возможности быстро и своевременно обмениваться опытом, сообща решать актуальные вопросы распространения книги.

Движение общественных пропагандистов книги уже перешло местные рамки. Мы считаем, что настало время создать Всесоюзное общество друзей книги.

Такое общество, несомненно, привлечет в свои ряды передовую часть советской интеллигенции, рабочих, колхозников — людей, знающих и любящих книгу. Совместно с писателями, поэтами, художниками, музыкантами, учеными это общество могло бы сделать очень много для пропаганды научных знаний, для эстетического развития советских людей, коммунистического воспитания трудящихся.

Такое общество, несомненно, также укрепит связь ученых, писателей, работников искусства, работников производства, издателей с читателями, поможет нашим многочисленным книголюбам в составлении домашних библиотек.

Создание Всесоюзного общества друзей книги является одним из важных шагов в реализации намеченной XII съездом КПСС перспективы постепенной передачи дела культурного обслуживания трудящихся общественным организациям.

Вице-президент Академии наук СССР, академик А. Топчиев, академик Д. Скобелев, народный артист СССР С. Герасимов, писатели Н. Тихонов, И. Андроников, директор издательства «Советская Россия» В. Гаврилов, работница ОТК завода имени Лихачева В. Стрелова, директор Мосниногорского С. Подьяновский, художник Л. Дубинский, библиотекарь Т. Востова, народные артисты РСФСР А. Абрикосов, Н. Смирнов-Сокольский, шофер автобуса № 3 Н. Зубков, инженер Москоблосвархоза В. Володин, директор Всесоюзной книжной палаты Н. Кухарков.

«Советский воин»

мечательная поэма А. Твардовского «Василий Теркин», произведения Е. Серафимовича, А. Фадеева, М. Шолохова, П. Павленко, Ф. Гладкова, В. Саянова, В. Лебедева-Кумача, С. Сергеева-Ценского, К. Федина, И. Соболева, И. Эренбурга, С. Щипачева, К. Симонова, В. Ивановова, В. Лавринева, Б. Полевого, Н. Асеева, В. Сильева и многих других советских писателей.

В 1944 году журнал был награжден орденом Красной Звезды.

Верный своим традициям, «Советский воин» в послевоенное время расширяет связи с писателями.

На Кузнечной металлургической комбинат приехал писатель Павел Ильянин. Он подводит итоги литературного творчества в плане, подготовил с главами из нового произведения «Деревья любви Викентия Торопова». На снимке (слева направо) главный электрик доменного цеха Владимир Григорьевич Гурьянов, редактор Филиппович Ильянин и мастер печи № 2 Евгений Васильевич Кандринский. Фото В. СКОРОВОГОВА.

У ЗЕМЛЯКОВ

НЕДАВНО в клубе калнинско-хлопчатобумажного комбината

«Пролетарка» обсуждал роман Бориса Полевого «Глубокий тыл». Это была не совсем обычная читательская конференция. Своим произведением писатель посвятил «землякам, рабочим «Пролетарки». И в городе Верхневолжье, описанном в книге, без труда можно узнать Калинин, а фабрику «Большевик», где происходит действие романа, — это известная в стране «Пролетарка». Состоявшаяся в клубе «Пролетарки» встреча писателя с читателями, в сущности, была встречей с героями произведения.

В обсуждении романа активно участвовали старые текстильщики, ветераны труда, вся жизнь которых связана с «Пролетаркой».

Трудно себе представить читателя более внимательного, судей более придирчивых и строгих. Они заметят и не только детали, и поступок героя, не соответствующий логике его характера, и неверное описание, — они не упустят ни одной «мелочи». И если, по их мнению, что-то в романе не так, как в жизни, не постесняются, прямо скажут об этом. Б. Полевому пришлось выслушать на обсуждении и такого рода замечания. Ткачиха Григорьевна, сейчас она уже на пенсии, говорила, например, о том, что ей рожет слух, когда герои романа называют отца «бабей»: так разговаривали на «Пролетарке» лет восемьдесят тому назад, в рабочих семьях это слово давно уже не в ходу. Она же выразила сомнение в правдоподобности истории с «грелкой Нефедовой» — разогретым кирпичом, которым ткачихи грелись во время работы.

Но когда участники читательской конференции, характеризуя «Глубокий тыл» в целом, свидетельствовали — это правда, это наш родной город, это моя фабрика; когда планочница Нурмоллова заявила: «Автор мог прямо написать, что действие происходит на «Пролетарке»... Читайте! «Глубокий тыл» и думается: «Откуда все известно писателю, словно он эти годы вместе с нами жил и работал» — когда слушались все эти выступления, становилось ясно, что читатель ценит в художественной литературе прежде всего верность жизни, яркое изображение наших дней и дел. Именно эти качества книг Б. Полевого обесценили ей успех у читателей.

Семья Калининских, находящаяся в центре авторского внимания, не имеет реальных прототипов (такие прототипы есть лишь у некоторых второстепенных персонажей), но выступления называли немало имен людей, наделенных теми же благородными чертами, что и главные герои «Глубокого тыла». Они говорили о Калининских как о людях, говоривших реальными, товарищески по работе, соседям, друзьям. Как особую удачу Б. Полевого отменяли образы Варвары Калининской — старой большевички.

— А заметку? — воскликнул Андрей в отчаянии.

— И нет. Не написал.

Дубицкий тяжело вздохнул.

— Без иона зарезал, рабочий... Ну, давай свою поэму, почитаем... А что это за «В. А.»? Кому предана чужие сны пощине? Уж не Верочка ли Абрикосовой? Тоже нашла Дульцинею! Зря, Алешенька, зря! Она, как есть, давно уж влюблена в нашего Вальку... — Андрей взглянул на Лавринева и тотчас умолк: мучительная краска покрыла лицо солдата.

Андрей встал, первому взял его за плечи.

— Прости, Алеша... Прости, дружок... Какой же я подлец!

Лавринево вырвался, выскочил из блиндажа и, припадая на левую ногу, быстро заковылял к Шебенкинскому лесу. Макогон, Михайлов и Еремин долго недоумевающе глядели ему вслед.

А ночью до самого утра в землянке секретаря пошла лампа, сооруженная Лаврой из артиллерийской гильзы. Андрей и Валька, склонившись над Алешинской поэмой, приводили ее в порядок. Особенно старался Тихвинский.

— Как ты думаешь, Валька, стоит ли сохранять пощине? — спросил его Андрей.

Тихвинский поднял голову и внимательно посмотрел в глаза Дубицкого.

— Обязательно! — горячо сказал он. — Правильно! — согласился Андрей.

Они вышли из блиндажа, чтобы глотнуть свежего воздуха. Не сговариваясь, одновременно глянули на небо. Над ними высоко-высоко белым мерцающим полотно, от горизонта до горизонта, в холодной выси протянулся великий звездный шлах, и среди этих звезд трудно было заметить тарыхлет крошечный невидимый самолет.

— «Кукрузинчик» наш не спит, — тихо сказал Андрей. — К передовой полетел, кто ли?

Валька промолчал. Он, подняв голову, все смотрел и смотрел на Млечный Путь, распростертый над огромным, загадочно притихшим миром: не доносились артиллерийской стрельбы с передовой, над Шебенкинским лесом не мерцали ракеты.

А где-то совсем рядом в блиндаже спала сортировщица писем Верочка Абрикосова.

Новые стихи

Игорь КОБЗЕВ

СИЛА СЛОВА

Не ценит слова,
кто не был
в высоких крутых горах.
Где — десять шагов до неба,
Где вечность сквозит в снегах...
В горах надо тихо ехать,
За каждым словом следить,
Чтоб в слухом ушью не эхо
Случайно не разбудить.
Бывает, лишь звук единый
Качнет снеговой карниз —
И вот уже гул лавины
Легит,
нарастая,
вниз!

И нет в мире сил, чтоб снова
Вернуться на прежний путь,
Чтоб то ровное слово
Поправкой перечеркнуть.

Мargarита ГАШИНА

НАГРАДА

Я это все припоиннаю снова
и позабыть вовек не смогу.
Седой старик, монтажник
с наплавного,
развел костер на левом берегу.

И крикнул нам немного грубовато,
глаза рукой от дыма заслоняя:
— А ну-ка, вы, поэты Сталинграда,
погритесь-ка у нашего огня!

Опять гудят машины на откосах,
и рядом Волга ревется на простор,
трещат куски опалубочных досок,
пылают гидростроительный костер.

Его теплом по праву отогреться,
как равные, сыны одной семьи,
— бетонщики, прорабы и поэты,
хорошие товарищи мои.

И было все — уверенность и сила,
и счастья труд, и молодость остра!
И слыла я кобы-нуду любяла —
так только их у этого костра.

Я это все припоиннаю снова
и позабыть вовек не смогу...
Спасибо вам, монтажники с наплавного,
за тот костер на левом берегу!

Как самая высокая награда
теперь хранится в сердце у меня:
— А ну-ка, вы, поэты Сталинграда,
погритесь-ка у нашего огня...

ТВОЯ ВОЛНА

Н. Лаврентьевой

Пройдет все. Пройдет и горе.
Отплачет мать. Уйдут друзья.
Но есть под Сталинградом море —
живая
молодость твою.

Оно отныне — и навеки!
Оно несет за валом вал!
Оно поет о человеке,
который
море создавал.

О том, который жил в палатке,
терпел и стужу, и жару,
ходил в бурани по канатке,
как по персидскому коврику;
он останавливает реки
и присто — водит самосвал.

...Писала ты о человеке,
который
море создавал.

И это море тоже знало.
И в этом море есть одна —
зелено-голубая, степная,
тебя —
Наташина волна.
Над ней, крича, летают чайки,
в нее с прибрежной высоты
весной глядят
неумирающие
степные чистые цветы.

Млечный Путь

МНОГО окопных военкомов было у «Советского бойца». Большая часть это рядовые солдаты: стрелки, пулеметчики, артиллеристы, минометчики, саперы, связисты, разведчики... Когда на участке фронта дивизия наступало затихло, военкомы собирались в редакции на однодневный семинар.

Удивительный народ военкомы! В белых, вылинявших на солнце и на ветру гимнастерках, округленные, с большими тяжелыми руками, привязанными крепко держа оружие, бесконечно далекие от профессии газетчика, они испытывали нестройное, какое-то трепетное благоговение перед печатным словом и ради него мужественно брели за непривычным им делом, отдавая ему целиком редкие минуты отдыха, испытывая не столько муки творчества, сколько просто муки физический.

Гладкий, бывало, на такого сочинителя, и душа наполняется жалостью к нему; потеет, сердешный, грызет, слюнявит карандаш, выводит первое слово, страдает, видит, что ничтошенького-то у него не получается.

Но зато как загорались его глаза, когда наборщики брали заметку, приведенную в божекий вид секретарем газеты или литсотрудником, мурашки над ней минут десять, а потом показывали автору свежий оттиск, именуются главной. Изумление, восторг, минутная растерянность перед таким чудом — эти чувства одно за другим отражаются на сияющей физиономии парня, уроженца какой-нибудь глухой Марьевки или Ивановки...

— Во... черт!.. Как же это, а? Вот так штука! — бормочет он, поднося к самым глазам мокрую гранку и приносясь к острому запаху — тому самому запаху, без которого жить не могут старые газетные волки и который водится только в типографии и нигде больше.

Сотрудники редакции дружили с военкомками, особенно Юра Кузес и Валька Тихвинский, больше находившиеся в солдатских окопах, чем в расположении «Советского бойца». Кузес, например, пропал неделями, и его при-

ходило разыскивать. Будучи в офицерском чине, он меньше всего заботился о соблюдении правил армейской субординации и в отношении «нижних чинов» вел себя в высшей степени демократично. Говоря определеннее, Юра был с ними запарнобрат, и солдаты называли его больше по имени, нежели по воинскому званию. В иных обстоятельствах такое поведение офицера могло принести лишь вред. В нашем же газетном деле оно было на пользу. Младшему лейтенанту Кузесу, державшемуся с солдатами, как равный с равными, бойцы раскрывали до конца, рассказывали действительно все о себе и о своих товарищах, не исключая интимнейших подробностей их жизни.

Нередко Кузес и Тихвинский возвращались с передовой в сопровождении одного, а то и двух своих военкомов. Это очень нравилось редактору, которого хлебом не корми, а дай только послушать людей из окопов.

Однажды ребята привели в редакцию бойца, внешний вид коего мог повергнуть в крайнее отчаяние ревнителя воинской выправки. Солдат шел, припадая на левую ногу; на нем нелепым образом висела рыжая, походящая на попону, шинель; пилотка, размером необыкновенных, от пота по краям потемнела и близком лежала на голове; голенища кирзовых сапог были так обшарпаны, что звучно шлепали по икрам; противогазная сумка, превращенная в ветцовой мешок, болталась за спиной.

Дубицкий, не страдавший излишней утичностью, обвел насмешливыми своими глазами «нестройную» фигуру солдата, спросил:

— Где вы, други, отыскали такого добра-молодца? Вылитый Платон Каратаев! Правда, Валька, откуда вы его? — В том саперном батальоне, охотно сообщил Тихвинский, сидел Лаврентий Еремин часами неподвижно сидел в кабине полукоры: все о чем-то думал; наборщики Макогон и Михайлов, молчаливые, ожесточенно выковыривали из нас черные буковки, делая при наборе материал ошибок в два раза больше обычной своей нормы; наш славный первопечатник Иван Обухов почему-то никак не мог приправить по-

НОВЕЛЛА

— Вот держит. Солдат тем временем стоял рядом, все слышал и только виновато улыбался, глядя в землю.

— Да ты, Андрей, не горюпись с выводами. Знаешь, какой это парень! — начал Кузес, влюбленный во всех людей на свете. — Он ночью разминировал для разведчиков проход во вражеское расположение. Пуговицы не успел пришить — мы помешали, увели с собой... А потом — его заметки — самые оперативные и живые. Ты сам говоришь...

— Какие заметки? Что ты говоришь?

— Военком Александр Лавринево знаешь? Ну так вот, он перед тобой!

Теперь смутился Дубицкий.

— Извини, солдат. Ведь я не знал, что ты — Лавринево... Пошли в мой блиндаж! Лавра! — крикнул Андрей шоферу. — Открой-ка там баночку. И флажку прихвати!

Вскоре в блиндаж секретаря нырнул и Лавра, он держал в руках банку консервированной колбасы и флажку в сером суконом чехле.

Так я увидел впервые одного из самых активных наших военкомов, который чуть ли не ежедневно присылал заметки о подвигах своих товарищей. С того дня Лавринево стал приходить в редакцию. К нему быстро привыкли и с нетерпением ждали, когда на опушке Шебенкинского леса появится его нескладная, знакомая всем фигура.

Если почему-либо Алеша задерживался, мы начинали беспокоиться, пролаять это беспокойство всяк по-своему. Дубицкий, оставивший на первой полосе место для «оперативного» материала Лавринево, делалась злее обыкновенного и с необычайной яростью набрасывался на Кузеса, по рассеянности утаившего из секретарского плана хорошо заточенный карандаш; Тихвинский близоруко шуршал и без всякой надобности начинал тщательно и сосредоточенно протирать очки; шофер Лаврентий Еремин часами неподвижно сидел в кабине полукоры: все о чем-то думал; наборщики Макогон и Михайлов, молчаливые, ожесточенно выковыривали из нас черные буковки, делая при наборе материал ошибок в два раза больше обычной своей нормы; наш славный первопечатник Иван Обухов почему-то никак не мог приправить по-

ПЕЧАТЬ? КАКАЯ ПЕЧАТЬ?

МНЕ хочется напомнить анекдот, который я вам, кажется, уже рассказывал. Когда один кандидат на соискание ученой степени, защищая свою диссертацию перед жюри науки, заявил: «В 1648 году Англия...» — старый профессор истории прервал его и спросил гнусавым голосом: «Пардон, месье, Англия?.. Не понимаю... Скажите, кто в Англии?»

Я задаюсь тем же вопросом, душая о Франции и о Днюе печати: «Какая печать?»

Газеты «Фигаро» руководит крупный фабрикант шерстяных тканей, в «Орор» хозяйничает не менее крупный фабрикант хлопчатобумажных тканей, «Пари-пресс» принадлежит авиавромышленнику, а остальные буржуазные газеты, не печатные непосредственно тому или иному капиталисту, подчинены всему капитализму в целом. Они информируют, они комментируют, они ориентируют умы в направлении, отвечающем интересам их хозяев.

Печать? Пресса? Какая пресса? Буржуазный журналист — это буржуа, делающий карьеру в области журналистики. Коммунистический журналист — это активист своей партии, получающий заработную плату квалифицированного рабочего. Буржуазный журналист — это профессиональный журналист и буржуа по своему социальному положению. Журналист-коммунист — это часто передовой рабочий, которому его партия доверила особую ответственную задачу. Эта ответственность нередко очень сложна, так как лишь немногие из журналистов-рабочих получали профессиональную подготовку. Гораздо более редки случаи, когда писатели-коммунисты становятся журналистами и используются в этом качестве партией, например, Арагон, Стиль, Куртад или я. В штате рабочих газет «Юманите» насчитывается второе, четвертое, пятое меньше редакторов, чем у конкурентов. Нет, не равным сражаемся мы оружием!

Какая пресса? У одной прессы больше «преимущества» — она может быть

совершенно безответственной. Другая — наша пресса — отвечает перед массовыми членами Коммунистической партии.

«Франс-суар» дала заголовок во всю ширину первой полосы: «Советские танки в 25 километрах от Тегерана». Несмотря на такую ложь, газета не потеряла ни одного читателя. Читатели «Франс-суар» отлично знают, что газеты этого сорта врут время от времени только ради того, чтобы продать больше бумаги. Но вот если бы «Юманите» напечатала на столбце третьей полосы: «Английские танки в 25 километрах от Тегерана», — ее читатели могли бы подумать, что эта газета ничем не отличается от других и потому не заслуживает особого доверия. И мы не только потеряли бы читателей. Больше того: Коммунистическая партия Франции утратила бы часть самого дорогого, что у нее есть, — доверия народа.

Нет, мы сражаемся на равном оружии! Насколько заманчивее сочинять или читать бредовые рассказы, чем ограничиваясь скромной правдой! Насколько приятнее заявлять, что все идет на лад, нежели утверждать обратное! Взять, к примеру, нашу страну. Что только не выдумывают о ней антикоммунистические журналисты! Какое богатство воображения, сколько разнообразия, изобретательности, страсти!.. Никогда мы не станем соперничать с ними в этом плане. Но ведь нам приходится не только уметь и прощать читателя, как это делаете и вы. Необходимо также непрерывно заниматься «демонстрацией», разоблачать ложные выдумки, причем делать все это в условиях крайне острого финансового и прочих материальных затруднений.

Капитал поддерживает капитал. Лишь очень наивные люди могут удивляться тому, что тресты, крупные компании или даже мелкие буржуа охотно публикуют рекламные объявления в газетах своего класса, нежели в печати рабочего класса. Мы выходим на восьми страницах, а буржуазные газеты — на двенадцати, четырнадцати, шестнадцати!

Еще надо сказать, — и мы говорим это с гордостью, — что «Юманите» не могла бы существовать, если бы не непростанные и самоотверженные усилия ее распространителей и друзей. Сегодня в Советском Союзе празднуется День печати. Сегодня же, вечером, в Париже, как и во всякий другой день недели, в моей партийной ячейке, как и во всякой ячейке нашей партии, соберутся товарищи — рабочие или служащие, молодые или старые, чтобы сформироваться в группы, которые в ближайшее воскресенье выйдут на перекрестки, на рынки, к станциям метро продавать нашу газету и будут выкрикивать:

— Покупайте «Юманите-диамант», покупайте воскресный выпуск «Юманите»!

А в понедельник, когда подведут итоги, выяснится, что благодаря их самоотверженной Коммунистической партии Франции сможет в течение всей недели извлекать свою ежедневную центральную газету на восьми страницах (вместо прежних шести) и распространять ее в количестве 200 000 экземпляров. Это совсем немало — ведь противник спекулирует на самых низменных и примитивных свойствах человека: на пустяковых интересах, невежестве, лениности ума, беспочвенных мечтах. Своим пошлым взглядом буржуазная печать приманивает розетов, и они попадают на удочку, проглатывая вместе с наживкой и крючок — фальсифицированную информацию.

Конечно, мы не отрицаем этой печати, цена и свое время, и бумагу. Вместе с тем мне думается, что читатели «Литературной газеты», которые следят за «Юманите», могут сказать, что она сделана второпаш и чуть легковесно.

Увы! Мы были бы рады, если бы, подобно нашим советским собратьям по перу, могли ставить визу «В печать» только тогда, когда все полностью готово и отложено. Но мы не можем позволить себе такой роскоши. Стоит опоздать на две минуты, и уже ушел какой-то поезд, и в каком-то районе Франции в этот день наши читатели, несомненно, будут читать враждебную прессу. Конкуренция многого от нас требует. Прежде всего мы должны считаться с интересами некоего лица, которое вправе рассчитывать на то, чтобы мы о нем подумали, когда выпускаем газету. Я имею в виду читателя.

Хорошо знаю я еще и следующее: коммунистическая газета по своей природе и назначению должна быть серьезной. У нас повелось думать: чем более сузива (я не осмелюсь сказать — скудна) коммунистическая газета, тем больше она соответствует своему названию. Естественно, углубление теоретических знаний — первейшая обязанность журналиста-коммуниста. Но часто он склонен думать, что не оправдал оказанного ему доверия, если не проитирует по крайней мере по одному разу в каждом абзаце сочинения классиков марксизма. Я отлично знаю, что его предшественники умели весьма разнообразно, сплошь и рядом просто великолепно, формулировать идеи. Журналист-коммунист склонен пользоваться формулировками, которыми пользовались до него все журналисты-коммунисты. Говоря так, я, разумеется, имею в виду Францию.

Самой собой разумеется и другое: я не могу допустить хотя бы на секунду, чтобы забота о читателе могла толкнуть нас на отказ от принципов. Но если мы будем игнорировать хронику, происшествия, в том числе преступления, громкие процессы и даже любовные приключения принцессы или парватушек домов или кинозвезд — этих истинных приключений нашего времени, — то что же получится? Читатели, которым насчитают наше пуританство, обратятся к другой газете. Наши читатели — простые люди, живущие в определенном обществе, которое

сформировало их вкусы и привычки. Представьте себе: из десяти избирателей Парижского района, голосующих за коммунистов, только один читает «Юманите». Что же произошло бы, если бы мы были так серьезны, как... как того, быть может, желает комсомолец?

Ведь мы пишем не в надежде на то, что умрем за свои принципы, а стремимся добиться их торжества. Вот почему «Юманите» публикует информацию, которую вы, безусловно, не стали бы публиковать. При этом мы ни на йоту не убоищаемся буржуазной прессе: нас легко отличить по пропорциям, отводимым материалам того или иного порядка.

Хочу добавить, что даже информация о судебном процессе, о том или другом происшествии или преступлении, освещенная с наших позиций, полаянная в соответствующем социальном контексте, может содействовать просвещению читателя. Главное, чтобы голова и перо были остры. Еще откровенно добавлю, — рискуя заслужить упрек в ереси, — что я невысоко расцениваю статьи, авторы которых притупяются за бронированным щитом классиков марксизма и осылают меня градом цитатных стрел. Их главный довод — «я цитирую Маркса», и тот, кто не одобряет меня, не одобряет, следовательно, и Маркса» — слышное удобен, чтобы считаться серьезным. Еще меньше я доверяю изобилию стандартных формулировок. Читая их, я всегда думаю: мой собрат по перу избрал столь легкий путь только для того, чтобы набавить себя от труда думать...

Понятно, я говорю только о Франции, и мне следует извиниться — ведь сегодня День советской печати. Но я заслуживаю снисхождения. Все мои товарищи из «Юманите» завидуют мне — ведь я провожу несколько недель в СССР, среди вас. Могу ли я не думать о них в День печати?

А вас, советские коллеги, прошу признать от меня сердечные, братские поздравления! Пусть наши общие мысли не будут выражаться одним общим языком. Пусть у читателя никогда не возникнет впечатление, будто вся газета — от передовой до спортивной информации — пишется одним-единственным журналистом.

Пусть никто из нас не забывает, что язык наш, даже если мы коммунисты, — это русский или французский язык, и метод Маркс и Энгельс заставлял нам метод мышления, но не штампованную речь.

Желаем самим себе никогда не жалеть времени на то, чтобы писать коротко и не посвящать четырех страниц тому, что можно высказать на двух.

Желаем самим себе больше заботиться о точности мысли, нежели о ее оригинальности; а когда мы обречем эту точную мысль, то пусть наши перья облекут ее в такую форму, чтобы читатель не говорил: «Как быстро время летит! Эту фразу я прочитал впервые тридцать лет тому назад!»

Пусть наши главные редакторы берут на себя больше ответственности и меньше помышляют об осторожности; пусть не стремятся понравиться неведомому кому (ведь никто и никогда не ставил перед ними подобной задачи), вырезая из наших рукописей все, что отягчает их от других статей.

Пусть все мы начнем уделять больше внимания написанию и — что еще важнее — правке наших статей, чем всякого рода заседаниям в редакциях.

Пусть, наконец, дорогие мои советские коллеги, будет так, чтобы в начавшемся семилетии и многие последующие годы вы печатали только хорошие новости. Прежде всего потому, что легче и приятнее комментировать именно хорошие, а не иные новости. Должен, впрочем, признаться, что это последнее пожелание содержит некоторую долю эгоизма: каждый шаг вперед, совершаемый советским народом, есть вместе с тем шаг, который совершает и мой народ по пути к своему освобождению.

Уильям Дюбуа: «Ваш опыт укрепляет веру в человека»

Уильям Дюбуа

Мы ПРИШЛИ к доктору Дюбуа в гости к «Националь» Первого мая.

— Сегодня такой счастливый день для нас, — встретила нас Ширли Грэхэм, жена доктора Дюбуа. — Радость — всегда радость, но когда она неожиданная, это вдвойне приятно. — Действительно, я никак не мог подумать, что моя скромная деятельность будет отмечена такой высокой наградой, — подтверждает нам Дюбуа.

— Это добрый, мужественный и уверенный в своих силах человек. Не верится, что ему уже за девяносто. Но возраст не мешает Дюбуа продолжать работу и борьбу.

— Нам хотелось бы знать, как вы встретили сообщение о вашем награждении международной Ленинской премией мира? — Честно говоря, моей первой реакцией было удивление. Почему? Да потому, что мне кажется, что мы, американцы, еще мало сделали для дела мира. С горечью приходится говорить о том, что Соединенные Штаты стали самой милитаристской страной. Странники мира за рубежом действуют успешно. В Америке нелегко бороться за мир.

— Не могли бы вы подробнее рассказать о вашей деятельности за последние годы? — Охотно, если только это заинтересует читателей «Литературной газеты». Десять лет назад нам удалось организовать специальное информационное бюро — «Информационный центр сторонников мира» — и начать выпуск бюллетеня под названием «Писграм», то есть «Мирограмма». Тогда мы добились немалых успехов. Два с половиной миллиона американцев подписали известное Стокгольмское воззвание. Но правительство не дремало. Мне было предьявлено обвинение в том, что я стал агентом иностранной державы.

Чтобы раздобыть деньги на оплату защиты, мы с женой отправились в поездку по стране — читать лекции, доклады. Выручка позволила оплатить защиту в суде. В конце концов я был оправдан. Но процесс окончательно убедил меня, что наше правительство не остановится ни перед чем в своем стремлении задушить движение сторонников мира. И в то же время мне стало ясно, что простые американцы никогда не согласятся с милитаристской, агрессивной политикой правящих кругов, что они будут бороться против нее.

После суда для меня настали «черные дни». В течение восьми лет единственным источником моих доходов были лекции и статьи в тех газетах, которые рещались помещать написанное мной. Вы понимаете, конечно, что такая газета, как «Нью-Йорк таймс», не захотела бы опубликовать даже письмо за моей подписью.

В прошлом году мы с женой неожиданно получили возможность поехать за границу. Мы побывали в Англии, Голландии, Китае, Советском Союзе. Это позволило мне во весь голос говорить о мире.

— Мы с большим интересом ознакомились с вашей книгой «Страдания Мансарта». Вы, очевидно, собираетесь ее продолжить? — Книга, о которой вы говорите, — первая часть трилогии о судьбе американского негра. Она охватывает длительный период с 1876 года по нынешние дни. Второй том, готовящийся к печати и должен выйти в том же времени, как я вернусь в Нью-Йорк. Третий том написан, он появится в конце этого или начале будущего года. «Большая пресса» Америки, естественно, будет замалчивать эти книги. Единственная возможность популяризировать их — издать трилогию где-нибудь за границей.

— Нашим читателям, несомненно, хотелось бы поближе ознакомиться также с вашей научной деятельностью. Что вы могли бы рассказать о ней? — В свое время я возглавлял кафедру социологии Атлантического университета. Этот университет впервые в мире

опубликовал серьезное научное исследование об американском негре. Но для продолжения работы нужны были деньги — пять тысяч долларов в год. Таких денег у нас не было. Мне пришлось покинуть университет. Я начал сотрудничать в Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения и выпускал ежемесячный журнал «Крайсис» тиражом примерно в сто тысяч экземпляров. Журнал выходил длительное время, но в 1933 году финансовые трудности заставили меня прекратить мою деятельность. Я вернулся в Атлантический университет, президентом которого в то время был мой друг. После его смерти новым президентом стал человек, который меня не любил. Мне исполнилось тогда семьдесят пять лет. Я вернулся в Национальную ассоциацию, но мои идеи пришло мне по душе руководителям: их интересовала только юридическая сторона вопроса, меня же — социальная и экономическая стороны. Поэтому «штатной» научной деятельности я теперь не веду; время от времени удается лишь опубликовать статьи в газетах.

— Поделитесь, пожалуйста, вашими планами на будущее. — Когда я вернусь в Соединенные Штаты, то буду читать лекции о Советском Союзе, о народном Китае. Кроме того, я хочу изложить свою философию жизни, рассказать, как я пришел от капитализма к вере в коммунизм, поделиться своими мыслями о возможности решения колониальных проблем.

— Вы не первый раз гостите в Советском Союзе. Какими были ваши впечатления? — Я был в вашей стране в 1926, 1936 и 1949 годах. Таким образом, я наблюдал, как росло и крепло ваше государство. Правда, я знаком не со всей страной, побывал только в Киеве, Одессе, Горьком, проезжал по Транссибирской магистрали. Но и этого оказалось достаточно, чтобы понять, каким образом молодое и слабое государство сумело превратиться в мощную, уверенную в своих силах державу. Весь мир знает: ваша страна сделала очень много и обещает сделать еще больше.

Опыт вашего народа укрепляет мою веру в человека. У себя дома я мечтаю о высоких идеалах для Америки, но, видя их поруганными, временами теряю надежду на светлое будущее человека. Вы вернули мне веру в людей. Я убежден, что вы можете изменить человеческую природу, вы можете сделать человека лучше. В вашей стране человек отказывается от эгоистичной погони за узко личным счастьем и борется за счастье всего человечества. То же самое я наблюдал в Китае.

Я хотел бы, чтобы советский народ знал, что так думать не только я, но все честные люди, посещающие вашу чудесную страну. Улыбнувшись, Уильям Дюбуа продолжает: — Так подробно меня, пожалуй, еще никто не «допрашивал». Я просто не представляю себе, что вы могли бы еще «выпытать» у меня.

— Еще только один вопрос. Что вы хотели бы сказать нашим читателям? — Я желаю им всего самого хорошего. Но никаких советов давать не буду. Они хозяева своей жизни и очень хорошо знают сами, что им нужно делать.

Наша беседа закончилась. Но мы еще успели по этому мужественному, смелому человеку, убежденному борце за мир и счастье. Такие люди, как Уильям Дюбуа, — гордость Америки.

Заслуженное признание

Один из крупнейших современных греческих поэтов Янис Ридос пишет в газете «Авги» о присуждении греческому писателю Костасу Варналису международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами»: «В лице Варналиса оказана честь всему греческому народу, поногреческой культуре и Греции. Варналис считается не только большим поэтом, основателем социальной поэзии в Греции, но также выразителем и олицетворением самых прекрасных творческих сил греческого народа, нашей эпохи и человечества, сил, которые закладывают фундамент лучшего будущего для всего человечества».

В лице Варналиса получили заслуженное признание силы, борющиеся за прогресс Греции и всего человечества, пишет Я. Ридос.

Алексей Ласурия

Наша литература понесла тяжелую утрату — в самом расцвете творческих сил умер Алексей Ласурия, абхазский поэт-коммунист, преданный сын нашей Родины.

Алексей Едгеевич Ласурия родился в 1927 году в селении Кутол, Очамчирского района, Абхазской АССР. Рано лишившись родителей, он прошел трудовую школу жизни. Учился, работал, окончил Литературный институт имени Горького Союза писателей СССР.

Печататься А. Ласурия начал с 1944 года. Он писал стихи, рассказы, повести, пьесы, занимался переводами с языков братских литератур. Его произведения

введены переведены на русский, грузинский и другие языки. В Москве изданы сборники его произведений «Кнархунское утро», «Дружба сверстных».

Это был поэт талантливый и самолюбивый, влюбленный в нашу жизнь, в наше будущее. Он горячо востал советскую действительность, строителем нашего социалистического общества. Память об Алексее Ласурия мы сохраним в наших сердцах.

Правление Союза писателей СССР
Правление Союза писателей Грузии
Правление Союза писателей Абхазии

Правление Союза писателей СССР, правление Союза писателей Грузии и правление Союза писателей Абхазии с глубоким прискорбием извещают о смерти абхазского поэта Алексея Едгеевича ЛАСУРИА и выражают соболезнование семье покойного.

За кулисами буржуазной журналистики

«ДО ДЕВЯТАНАДЦАТОГО ВЕКА существовали «новости» и не было информации. Информация, то есть новость, превратившаяся в товар, появилась с быстрым развитием печати. То, что некогда было неосозанным предметом разговора, стало теперь сырьем новой отрасли промышленности».

Так пишет французский еженедельник «Франс-обсерватр», который посвятил несколько страниц теме «За кулисами информации» — рассказу о деятельности телеграфных агентств. Превратить «новости» из сырья в готовый продукт — «информацию» и выгодно ее сбыть — вот в чем, по определению журнала, состоит задача телеграфных агентств. Огромная армия корреспондентов собирает и излагает для агентов информацию. Чем сенсационней новости, тем лучше. Но как добывается информация? Из каких источников она черпается? «Франс-обсерватр» в шутовском тоне называет некоторые источники информации, и графически показывает их [см. рисунок]. И тут же приводит десяток «правил», которым должен следовать корреспондент буржуазного агентства для того, чтобы добиться успеха.

Первое, он обязан быть всегда и всюду на месте; корреспондент не имеет своего мнения. Он только объясняет и ничего не оценивает; он может быть горьким пьяницей или азартным игроком, но всегда должен находиться в зоне досягаемости телефонного звонка; он не имеет права быть неудачником... В ироническом рассказе «Франс-обсерватр» кроется горькая правда. Находясь на службе у крупного капитала западные агентства любят верить, будто их сообщения всегда «объективны». На самом же деле они часто, нисколько не стесняясь, черпают информацию из «кружков», обычно хорошо информированных. И тогда в печати появляются ложные сообщения, от начала и до конца тенденциозные вымыслы. Их назначение — скрыть невыгодную правду, дезинформировать читателя. «Франс-обсерватр» пи-

Корреспондент разговаривает с высокопоставленным лицом...

шет по поводу «объективности» сообщений телеграфных агентств: «Американские агентства изо всех сил отрицают, что находятся под чьим-либо нажимом. Тем не менее для них мир либерального капитализма — «нормальное», а мир другого социального порядка — своего рода ад, хотя и живописный, против которого необходимо неумолимо вести беспощадную борьбу...» Очень редко в агентстве Франс Пресс зовут агента и дают какое-нибудь задание. Иногда такие вещи все-таки случаются. Кз Орса (министерство иностранных дел) никогда не диктует точного содержания сообщения. Но все редакторы агентства Франс Пресс хорошо знают, что говорить об Алжире — трудно, даже опасно, что Французское сообщество — область очень тонкая, как на упоминание о коммунистической партии наложено строгое табу, за исключением тех случаев, когда ее надо назвать «московским агентом», как это сделал недавно один политический комментатор. Не существует никаких указаний, запрещающих касаться той или иной темы, но алжирцы всегда следуют называть «французским мусульманином». Таково положение вещей, и это ни для кого не секрет...

Источники...

«Хорошо информированные круги (достоверная информация). Главным правительством в а... или сам журналист».

Информированные круги (менее достоверная информация). Какой-нибудь второстепенный чиновник, его коллеги или шофер министра».

Авторитетные круги (информация официальная, но нельзя сказать, что точная). Министр или официальный представитель правительства».

Официальные круги (общая информация, поддающаяся опровержению). Кабинет министров и парламентские кулуары».

Круги, обычно хорошо информированные (сомнительная информация). Являя депутаты, провалившиеся на выборах, или шофер таксист...»

Рисунки от французского журнала «Франс-обсерватр».

В джунглях английской прессы

АНГЛИЯ, добрая старая Англия, — страна, где уважают «демократические традиции», чтят «свободу печати», где пресса пользуется лишь солидной, достоверной информацией. Никаких силетов и сенсаций, никакой желтизны. Так не представлять английскую печать буржуазная пропаганда.

Внешнее различие между английской прессой и печатью Франции, США действительно существует. Лицо ее определяют влиятельные консервативные «Таймс», «Обсервер», либеральная «Манчестер гардиан», строгая подача материала, нарочитая сдержанность. Вы не встретите там ни крикливых заголовков, ни броских фотографий. Но как обстоят дело с широко рекламируемой «независимостью» британских изданий, с правдивостью и достоверностью, с объективностью, о которой так много говорят на Флит-стрит?

Монополизация британской печати представителями крупного промышленного и финансового капитала происходит последние десятилетия невероятным быстрым темпом. Независимых газет в Англии фактически не осталось. Мелкие издания поглощены мощными концернами. Они диктуют свою волю не только отдельным газетам и журналам, но через посредство «Ассоциации владельцев газет» — всей печати в целом. Достаточно напомнить, что четыре гигантские газетные монополии, принадлежащие лордам Ротермиру, Виверу, Кемсли и Кингу, контролируют 60 процентов всех тиражей ежедневных национальных и провинциальных газет. Остальная печать находится в руках владельцев менее значительных газетных трестов. И все они тесно связаны с промышленными предприятиями, банками.

Не удивительно, что политическая линия газет определяется не только их владельцами — крупными капиталистами, но и теми, кто использует их страницы для рекламных объявлений. Ведь именно рекламные объявления приносят основную прибыль. И механика давления на то или иное издание проста: если на страницах газеты будет проводиться политическая линия, не-

удобная тому или иному промышленному магнату, то он передаст свои рекламные объявления другому органу печати.

Нравы английской буржуазной печати, методы борьбы газетных монополий против своих конкурентов раскрыты в новом романе английского писателя Арчибалда Кронина, известного советским читателям по книгам «Замок Врудли», «Звезды смотрят вниз», «Штадель». Герой его книги «Северный свет» Генри Пейдж — жертва волчьих законов, действующих в британской «газетной империи».

Генри Пейдж — владелец провинциальной газеты «Северный свет», выходящей в Хедлстоуне. Она была основана почти двести лет назад прапрадедом нынешнего владельца. «Упорно вставала против погони за сенсацией, «Северный свет» на протяжении пяти поколений постепенно приобрел прочную репутацию принципиальности, объективности и добросовестности в подборе материала. Газета стала своего рода местной традицией», — так характеризует газету автор книги.

«Северный свет» для Кронина — пример ответственности печатного органа перед обществом, образец «свободы печати». Сильный характер, принципиальность, честность ее владельца рисуются в столкновении не на жизнь, а на смерть с одним из лордов прессы — Верноном Коммервиллом. Лондонский газетный магнат Коммервилл, которому принадлежит три крупные бульварные газеты, решил купить «Северный свет» после того, как английское правительство заявило о постройке в районе Хедлстоуна нового атомного центра.

Генри Пейдж отказывается продать газету. Он не может допустить, чтобы его летние приключения в бульварный сенсационный листок, «Пресса» — огромная сила, которую можно превратить в орудие и добра и зла. Мужеством ее трудно переопределить. Она может создать и уничтожить репутацию, она может даже — сохранить нас от этого бож!

— развязать войну. И то, что некоторые газеты, читающиеся во всей Англии, пускают в ход эту силу для достижения недостойных целей, ни перед чем не останавливаясь, не чувствуя никакой ответственности, составляет сегодня несчастье нашей страны, а завтра может привести к ее гибели», — говорит Пейдж, объясняя свое нежелание отдать газету в руки Коммервилла.

Но Коммервилл и шайка опытных мастеров желтой прессы не останавливаются ни перед какими, самыми грязными средствами, чтобы добиться своей цели. Они открывают в Хедлстоуне конкурирующую газету «Ежедневная хроника», которая переименовывает читателя и рекламодателя, сотрудничает, наборы и печатные расходы более высокими заработками. Пейдж испернал свой кредит в банке, ему не на что купить бумагу, он лишается типографии. И все же владелец «Северного света» держится. Он не сдастся. Не сдастся и когда на карту поставлена репутация жены его сына Дэвида, которую шантажируют владельцы «Ежедневной хроник». Не уступает даже после самоубийства сына, застреленного коммерческим гангстером. Газета печатается на ротаторе. И симпатии публики склоняются на сторону Пейджа. Богач Уэзерби предлагает ему кредит. «Северный свет» продолжает издаваться несмотря ни на что.

Арчибалд Кронин убедительно, правдиво раскрыл омерзительные нравы газетных джунглей Англии. Его книга разоблачает миф о «демократических традициях» и «независимости» английских буржуазных газет. И все же несомненная слабость произведения Кронина, с нашей точки зрения, заключается в некотором приукрашивании действительности. В современной Англии печать — это не только концентрация мелких провинциальных издательств, но и могущественная конкуренция с газетными магнатами. Недаром за последние десятилетия перестали существовать сотни небольших независимых газет. Их «поглотила» пресса английских монополий. Они вынуждены были уйти со сцены, отступить перед натиском коммерциализации.